

команда
ПРОТИВ ПЫТОК

ЯЗЫК ПЫТОК

Как в России (не) говорят
о силовом произволе
и государственном насилии

18+

© Команда против пыток, 2025
Распространяется по лицензии
Creative Commons «Attribution» 4.0

Настоящий материал (информация)
произведен, распространен и (или)
направлен иностранным агентом
«Команда против пыток»
либо касается деятельности
иностранного агента
«Команда против пыток»

18+

Резюме: о чём это исследование

В этом тексте Команда против пыток препарирует разные способы говорения о насилии в российской правоохранительной системе. Мы составили многоуровневую качественно-количественную методологию, чтобы понять, как в России говорят о пытках, какие используют речевые и стилистические приёмы и почему силовой произвол так и не обрёл нужного и всем понятного словаря, — чтобы однажды мы смогли обсуждать пытку предметно, с нужным градусом порицания, достаточным для борьбы с феноменом полицейской жестокости.

Мы пользовались методами контент-, сентимент- и дискурс-анализа, а также поговорили с десятками людей, причастных к ежедневному формированию информационного поля, в котором появляются темы силового насилия. Мы пошли дальше поверхностного анализа — мы постарались ухватить динамику и рассказать, как говорили о пытках 30 лет назад и как говорят о них сегодня.

В этой работе мы рассказываем о трёх разных языках пыток. **Юридический язык пыток — язык приговора** — показывает, насколько правоохранительная система и суды привыкли обезличивать пытателей и пострадавших от их действий, как сухо и однотипно они описывают даже самые жестокие посягательства на жизнь и неприкосновенность людей, придавая им форму эвфемизма, и как ограничены и консервативны стилистические приёмы в документах, которыми государство официально признаёт силовое насилие преступным.

Второй язык пыток — это язык политиков и чиновников, которые, долгие годы избегая открытого признания проблемы государственного насилия, также предпочитают не называть вещи своими именами, а если и делают это, то только в форме обезличенных тезисов. В зависимости от положения чиновника во властной вертикали меняется степень его готовности заявить о системности пыток — однако одно остаётся неизменным: политики не инициируют разговор о насилии, они вступают в него, только когда не остаётся другого выхода и очередной медийный скандал об издевательствах в колониях или отделах полиции не оставляет места для молчания. Язык насилия в мире политики — это язык абстрактной декларации, вымирающий без публичного резонанса.

Третий язык, который мы описываем, — **язык насилия в прессе**. Это самый динамичный и понятный нам способ начать говорить о пытке. Хотя он и меняется с годами, но всё же остаётся самым человечным и живым. Однако погоня за аудиторией и массовая цифровизация медиа привели к тому, что мы всё реже видим глубокие истории пострадавших от насилия, а стиль описания становится всё менее экспрессивным. На смену репортажам и красочным сюжетам приходят короткие информационно-новостные сводки, в которых уже не так много места многомерным сюжетным линиям и их героям. Аудитория всё чаще откликается не на историю о человеческой боли после пережитого насилия, а на резонансные и вопиющие случаи произвола; она тоже устаёт от обилия информации о жестокости. Редакции понимают этот тренд и подходят к подбору кейсов, достойных огласки, всё тщательнее. Снижению медийного интереса к проблеме силового насилия способствует и государство, каждый раз подбрасывая редакциям всё новые цензурные ограничения.

Мы не знаем, как правильно общество должно говорить о насилии так, чтобы сохранить баланс между точной фактологией, обсуждением проблемы и трансляцией человеческих историй, — так, чтобы этот разговор не наскучил аудитории настолько, что она вовсе перестанет замечать новости об очередной пытке. Но мы точно знаем, что поиск нужного языка нам необходим, чтобы научиться порицать насилие, бороться с ним и транслировать ценность человеческой жизни как можно большему числу людей.

Чтобы сделать первый шаг к проблеме замалчивания государственного насилия, подпишитесь на наши соцсети: мы проводим исследования, публикуем новости, разбираемся в истории и даже снимаем документальные фильмы.

Оглавление

Резюме: о чём это исследование.....	3
Насилие растворяется. Предисловие от Команды против пыток.....	6
Именем Российской Федерации? Как насилие описывают тексты судебных решений.....	14
«Проблема есть, но надо спокойненько с этим работать». Как говорят о пытках в политическом поле.....	24
Насилие в медиа — количественный обзор.....	35
Между новоязом и некроязом. Как журналисты создают повестку.....	49
— «Устали от контента», или почему меняется отношение к новостям о насилии.....	50
— Меняется отношение — меняется и стилистика.....	52
— Как редакции отбирают инфоповоды.....	58
Вместо заключения.....	63
Приложение 1. Культура против пыток.....	65
Литература.....	66
Кинематограф.....	73
Музыка и театр.....	78
Арт-объекты и места памяти.....	83
Приложение 2. Технический алгоритм того, как мы анализировали тексты на количественном этапе исследования.....	87

Насилие растворяется

Предисловие от Команды против пыток

Сделать насилие невидимым можно двумя способами: игнорировать его или, наоборот, говорить о нём слишком часто.

Эту одновременно противоречивую и простую истину правозащитники и активисты, особенно в век развития соцсетей и цифровых СМИ, усвоили на отлично. Далеко не всегда, даже тратя огромный ресурс на освещение проблемы силового произвола, нам удаётся добиться нужной реакции от читателя — кто-то машинально пропускает уже до боли знакомый контент, устав от бесконечного потока жестокости, а кто-то пролистнёт свою ленту, попросту не поверив, что где-то в городе N полицейский мог применить силу к задержанному и нанести ему увечья. Насмотренность одного читателя и неведение другого приводят к одному результату — новость исчезает из памяти после прочтения её заголовка.

Разговор о насилии — одно из важнейших средств нашей работы. Язык, которым мы пользуемся, выполняет едва ли не стратегическую функцию. Глобально существует два подхода к роли языка. Одни считают, что язык — это рамка нашего мышления, обрамляющая наши мысли, убеждения и понятия, с которыми мы живём. Другие же склоняются к гипотезе лингвистической относительности, которая, если упрощать, предполагает, что структура языка задаёт векторы наших действий и формирует мышление — и то, как мы описываем то или иное явление рано или поздно повлияет на наше отношение к нему. Какую бы сторону ни выбрал наш читатель и что бы ни поставил в этом споре на первое место, нельзя оторвать язык от того, с какими ценностями мы живём и с помощью чего транслируем их нашему окружению.

Мы точно знаем, что без постановки, осознания, препарирования и проговаривания проблемы пыток и силового произвола невозможно её устранение. Мы много лет ищем нужные слова, балансируя между юридической точностью и цепляющей меткостью, сознательно избегая словесных манипуляций, чтобы как можно больше людей присоединилось к нашим ценностям, разделяло наши убеждения и училось называть вещи

своими именами: насилие недопустимо в любой его форме, особенно когда его автором выступает огромная машина, призванная нас защищать от любого рода посягательств и произвола. Мы пробуем разные форматы и жанры — от исторических карточек в соцсетях и большой научной публицистики до статистического анализа и документальных фильмов. Мы делаем всё, чтобы сообщество сопричастных росло день ото дня.

Однако именно здесь кроется главный парадокс нашей работы. Чем чаще мы говорим о насилии, тем больше подсвечиваем его нормальность — ведь если каждый день видеть за окном серый пейзаж, рано или поздно его серость превратится в верного спутника нашей рутины. А чем нормальнее для нас и нашего окружения проблема насилия, тем более отталкивающими представляются разговоры о пытках и произволе для тех, кто живёт за пределами нашего информационного пузыря и чьё внимание мы особенно хотим привлечь, — ведь если внезапно вывести человека из перманентной серости на солнечный свет, то рефлекторный прищур не даст ему рассмотреть детали. Он предпочтёт уйти обратно в темноту — туда, где не слепит глаза.

Это тот барьер, разлом которого с каждым днём даётся нам всё сложнее. Коллеги-журналисты далеко не всегда «забирают» у нас сообщения о пытках, если описываемый в них сюжет похож на предыдущий: задержание, побои, арест. Мы ежедневно сталкиваемся с сообщениями от переживших опыт насилия, для нас это своего рода печальная норма — норма, которая у других провоцирует отторжение или апатию.

Да, интерес вызывают вопиющие кейсы и «нестандартные» исходы: например, если полицейский получил длительный реальный срок по обвинению в насилии или если пыточное событие прогремело масштабами своего беспредела. Последнее особенно интересно читателю: описание сцен силовой жестокости обязательно привлечёт просмотры и комментарии. Так, в марте 2024 года задержание подозреваемых в совершении теракта в подмосковному «Крокус Сити Холле» вызвало бурю обсуждений — по сети разошлись видео, на которых одному из задержанных отрезают часть уха и заставляют его съесть. Самые популярные комментарии под новостью об этом на «Фонтанке» показывают разобщённость аудитории: пока одни призывают силовиков не уподобляться преступникам и не вести себя как звери, другие одобрительно поддерживают правоохранителей.

Однако резонансные события — такие как теракт в «Крокусе» или просочившиеся в сеть видео пыток из колонии в Ярославской области или тюремной больницы под Саратовом — скорее исключение из правила. Насилие, вызывающее массовый отклик и меняющее наши представления о допустимом, случается не так часто. Но насилие массовое — то самое, нормальное и рутинизированное, будь оно бытовым или государственным, — как будто выпадает из поля зрения. Растворяется. Оно незаметно. О нём можно промолчать, его можно не заметить, его можно упаковать в нейтральные слова, из-за которых

не разглядеть весь градус жестокости. Но можно придать ему такую форму, в которой разговор о нём перестаёт быть серьёзным — и это тоже своего рода игнор и замалчивание.

Массовая культура и шоу-контент, доступные широкому кругу потребителей, не так часто проблематизируют насилие. Российская сериальная культура, центром которой долгие годы остаётся полицейский персонаж, не осуждает нарушение процессуальных норм, романтизирует тумачи и откровенно снисходительно относится к полицейскому произволу¹. Положительному герою за харизму прощается практически всё. В предельно крайних случаях насилие оборачивается иронией или пошлым юмором — как доказательство того, что оно вошло в нашу жизнь, о нём знают все до той степени, в которой над ним стало нормальным шутить.

Из короткого видео со страницы на видеохостинге, на которой публикуются ролики с выступлениями шоумена Нидаля Абу Газале

- Шоумен: Росгвардия?
— Зритель в зале, с которым шоумен вступил в диалог: Да. Я бабушек бью.
[смех в зале]
— Не, серьёзно? Росгвардия?
— Да.
— Да? Серьёзно?
— Да.
— О, отлично! [Обращается к залу:] Не хлопаем. [Смех в зале.] А я видел, что вы и не собирались. Просто чтоб люди по ту сторону экрана поняли. [...] И что, как там, как в тылу? [...] Тыл прикрыт? Честно.
— Да, прикрыт. Всё хорошо, бабушки обижать не будут.
— Расскажи какую-нибудь историю из [жизни] Росгвардии?
— Ну, был тут недавно митинг один, и мы там толпой били одного чувака. И как бы... Ничего интересного нету.
— Это... Ну ты же сейчас несерьёзно об этом говоришь? Или был митинг? Когда был митинг? Кто-то видел митинги?
— [Из зала:] Когда бары закрывали.

Видео, опубликованное в мае 2025 года (не на официальной странице артиста), на момент публикации этого текста собрало 370 000 просмотров, 3 500 положительных реакций и несколько сотен комментариев. Значительная часть зрителей не понимает, как над подобным можно шутить и смеяться.

Мы не можем утверждать, что человек из зала действительно является росгвардейцем и что сцена не была постановочной. Мы используем эту зарисовку, случайно найденную на просторах Интернета, в качестве иллюстрации того, как громогласно можно молчать о проблеме насилия.

¹ Подробнее о том, как с годами менялась сериальная культура, в центре которой находится силовик, можно прочитать в нашей книге: *Анатомия распада. Как и почему права человека перестали быть ценностью в современной России.* — Нижний Новгород: Команда против пыток, 2024. Фрагмент об этом начинается со стр. 343.

Вот уже много лет мы пытаемся нащупать тот язык, которым в России допустимо разговаривать о насилии. Говорить прямо и открыто, доступно и пронизательно, без эвфемизмов и перифразов, но и без натуралистичных, но отталкивающих и жестоких подробностей и стремления манипулировать эмоцией читателя. Говорить так, чтобы не превращать насилие в рутину и не отталкивать тех, кто ранее ничего о нём не знал (или не осознавал его близость). **Ведь если мы хотим бороться с проблемой жестокости, этот язык жизненно важно найти.**

Это исследование, идея которого родилась после многих лет нашей работы в публичном пространстве, посвящено тому, как в России принято говорить о насилии: что о нём говорят политики и чиновники, как привыкла отражать пыточную реальность судебная практика и как работают с темами жестокости те, кто помогают создавать общественную повестку и задают тон обсуждения. Другими словами, нам важно понять, из каких коннотаций состоит разговор о насилии в России сегодня, оценить риторический контекст, в котором становится (не)возможным адекватный разговор о насилии, и описать основные приёмы, которыми пользуются говорящие, — а главное, рассказать, меняется ли наш способ говорить о насилии со временем и можно ли с ним что-то сделать в будущем.

Почему это важно? Потому что то, как мы говорим об интересующих нас проблемах, помогает нам быть понятными для окружающих. Потому что то, как мы говорим, помогает нам самим оформлять и формулировать наши мысли, влиять на отношение окружающих к подобным явлениям — помогает рефлексировать, оценивать и порицать. Через язык мы ищем сопричастных, находим компромиссы и спорим с оппонентами.

Мы надеемся, что этот текст поможет всем пишущим и читающим — будь то профессионалы или обыватели, журналисты или юристы, исследователи или потребители информации — понять, как устроен разговор о насилии в России, и переосмыслить стратегии коммуникации с разными людьми, от политиков и чиновников до потенциальных сторонников и равнодушных.

Как мы работали над этим исследованием

Чтобы ответить на вопросы о том, как меняется разговор о насилии в российском обществе и из чего он состоит, мы использовали многоступенчатую смешанную качественно-количественную методологию. Наша исследовательская цель состояла в анализе любого рода высказываний и сообщений о пытках, государственном насилии и силовом произволе, звучавших последние 30–35 лет в контексте (1) политического, (2) правового или (3) общественно-медийного поля. Мы сужаем смысловой контекст по двум причинам: с одной стороны, борьба с пытками — наша профильная тема, а с другой — мы понимаем, что невозможно объять необъятное и охватить в небольшом публицистическом тексте всю существующую вокруг нас жестокость. Пытки страшны не только потому, что они применяются руками заведомо более тяжеловесного субъекта — государства, но и потому, что многие их не осознают. Знаете ли вы, что если учитель физкультуры заставляет ученика тренироваться до потери сознания — это тоже пытка? А насилие со стороны врачей? Это делает разговор о них ещё более чувствительным и необходимым.

Также мы намеренно выбрали для изучения только три общественных среза, ведь именно журналисты отражают общественный интерес и транслируют своими материалами запрос аудитории на информацию, а политики определяют, какие темы подлежат регулированию и какие сферы в том числе права должны модернизироваться под постоянно меняющееся общество и его проблемы. Язык права и процессуального делопроизводства добавлен в анализ потому, что именно тексты судебных решений квалифицируют правоохранительное насилие как преступное и официально — именем (без малого!) Российской Федерации — констатируют, имели ли место произвол и пытка.

На первом этапе работы мы осуществили автоматизированную выгрузку (парсинг) и первичную обработку методами машинного обучения текстовых источников, содержащих упоминания силового насилия (1) в СМИ и (2) юридических текстах, опубликованных в ГАС «Правосудие». Эти материалы не только общедоступны, но и имеют понятные формат

и структуру, позволяющие относительно легко их анализировать. В полученных выгрузках мы искали сочетания слов, коннотации, речевые приёмы и всё, что может охарактеризовать способы говорения о насилии в России.

Всего в анализ попали около 15 000 судебных решений за период с 2013 по 2025 годы, касающихся статьи 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), а также 50 000 заметок средств массовой информации с 1990 по 2025 годы, в заголовках которых фигурировала комбинация хотя бы одного слова/сочетания (в разных временах, наклонениях, числах, родах и падежах) одновременно из двух столбцов:

Автор насилия	Действие или предмет
милиция	пытка
тюрьма	дубинка
МВД	пытать
ФСИН	избить
ФСКН	ударить
полиция	приковать
колония	применить силу
СИЗО	угрожать
ФСБ	издеваться
наркоконтроль	выстрелить
силовик	застрелить
исправительное учреждение	убить
полицейский	насилие
милиционер	надругаться
оперативник	

Для анализа прессы мы дополнительно создавали стоп-лист, который состоял из слов, позволивших нам исключить материалы с упоминанием пыток в художественном, бытовом или военном контексте. Мы намеренно сделали выбор в пользу анализа именно заголовков, а не всего тела заметки или статьи — это позволило сузить анализируемую выборку до материалов, в которых пытка в её юридико-правовом смысле является ключевой темой, а не единичным упоминанием.

После получения выгрузок мы проанализировали полученные тексты на предмет (1) словоупотребления — т. е. пытались понять, какими фразами насилие описывается чаще всего, — (2) частотности говорения о насилии по годам и (3) коннотаций (в каком ключе говорят о насилии — в положительном, нейтральном или отрицательном). В этом нам помогли методы контент- и сентимент-анализа (в частности, поиск **n-грамм** и **TF-IDF векторизация** после лемматизации², очистки массивов от служебных слов,

² Это означает, что все слова перед анализом приведены к словарной форме по роду, числу и падежу.

канцеляритов, обязательных атрибутов юридических текстов и прочих символов и конструкций, не влияющих на смысл анализируемого текста)³. Материалы СМИ и тексты судебных решений анализировались не одновременно, а как два обособленных массива. В итоге мы получили базовое представление о вокабуляре, используемом обществом и правом для разговора о насилии.

На втором этапе мы проанализировали методами дискурс-анализа высказывания российских политиков и чиновников высшего уровня о пытках и насилии — в частности, с целью замера изменений и динамики декларируемого отношения властей к проблеме силового произвола.

Методом кабинетного кейс-стади мы выборочно проанализировали тексты СМИ и приговоров из блока выше — чтобы не только количественно, но и качественно замерить наиболее часто используемые стратегии описания насилия. Также частично под анализ попали и отчётные документы, публикуемые государственными институциями (например, отчёты уполномоченных по правам человека, пресс-релизы общественных советов и стенограммы различных заседаний и общественных обсуждений).

Вкупе все три слоя — политическое высказывание, официальное юридическое поле и общественно-публичная повестка — дали нам понимание того, как в России привыкли говорить о насилии и почему представление о нём среди широких масс отличается от правозащитных нарративов.

Третий этап полевого исследования включал в себя экспертные и глубинные полуформализованные интервью с теми, кто создаёт общественную повестку, — журналистами, блогерами, редакторами, колумнистами и другими акторами медиапространства. Мы проклассифицировали информантов по долгосрочности опыта в профессии, специфике их работы и характеристике медиа, в котором они работают (пишущие о насилии / не пишущие о насилии, независимые / государственные, федеральные / региональные, специализированные / общего профиля и т. д.) — а после кодировали их ответы по всем правилам социологической методологии и анализировали совокупно с результатами количественного этапа. Мы разработали гайды под каждую группу информантов и получили несколько десятков часов расшифровок, позволивших понять:

- кто (не) пишет о насилии в России;
- с какими проблемами сталкиваются медиа при описании насилия;
- каким языком медиа описывают силовое насилие и произвол;

³ Если вам интересно узнать, как технически проводился анализ, посмотрите Приложение 2 к настоящему исследованию.

- как материалы о насилии попадают в инфопространство и как редакции находят и отбирают инфоповоды; почему и какая информация от правозащитников о насилии не интересует медиа;
- как читатели относятся к темам насилия;
- почему насилие становится подцензурной темой и как государственные ограничения этому способствуют.

Мы намеренно выбрали общение с журналистами: с одной стороны, слово является их ежедневным рабочим инструментом, от владения которым зависит успешность медиа. С другой стороны, редакторы, репортёры и прочие контент-мейкеры строят свою работу либо отталкиваясь от редакционных ценностей и миссии, либо от запроса аудитории — обе мотивации представляли для нас интерес и позволили понять, как и по каким правилам формируется публичная повестка.

Основная сложность третьего этапа нашей работы заключалась в ограниченном круге информантов, с которыми нам удалось поговорить: не будет преувеличением сказать, что впервые за три года социологической работы мы столкнулись с **таким** большим числом отказов от интервью. Частично всему виной иноагентский статус Команды против пыток — это отрезало от нас часть спикеров со стороны государственных СМИ. Нивелировать недостаток спикеров из информагентств или, например, федерального ТВ нам помогли собеседники, имевшие в прошлом опыт работы в подобных изданиях и согласившиеся на разговор, а также огромный пласт информации, полученный нами перед началом интервью другими количественными и качественными методами.

Однако наибольшую сложность в момент приглашения информантов на интервью представляла сама тема исследования — ещё не закончив нашу работу, мы поняли, как сложно говорить о насилии даже профессионалам, чья ежедневная работа связана с его описанием. Порой о нём сложно было говорить и нам самим.

Команда против пыток выражает благодарность каждому, кто был причастен к этому исследованию: консультантам проекта, дата-аналитикам, волонтёрам, помогавшим в сборе информации, каждому из десятков информантов, а также тем, без кого технически финальный текст был бы невозможен, — корректору, рецензентам, дизайнерам.

Именем Российской Федерации?

Как насилие описывают тексты судебных решений

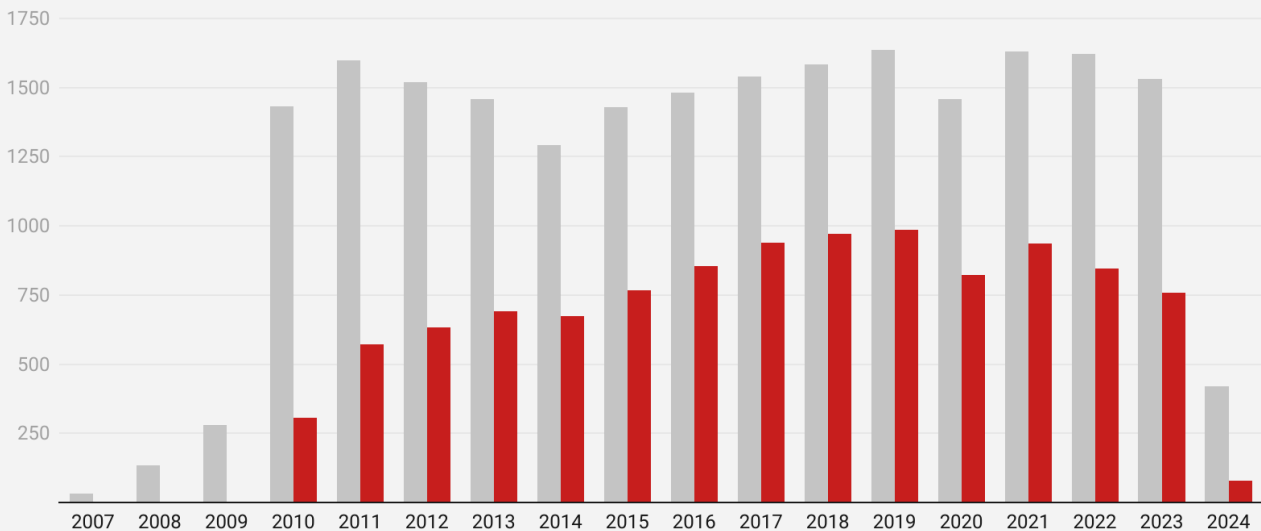
В одном из наших предыдущих **исследований**, основанном на анализе судебных текстов, мы уже показывали, как после криминализации пыток в 2022 году российские суды продолжают избегать слово «пытка», всячески называя побои и издевательства обычным и привычным «насилием». Кажется, разница только терминологическая и даже стилистическая — однако от наличия этого слова в тексте решения в том числе зависит срок, который получит пытатель после оглашения приговора. А ещё это показывает отношение судебной системы к силовому произволу.

Такое игнорирование выражается не только в хроническом нежелании судов и правоохранительных органов прямо употреблять этот термин, но и в неспособности наделить его какими-либо характерными признаками. Мы до сих пор не знаем, как правовая практика отличает «насилие» от «пытки», в чём, по мнению закона и судов, выражаются особенности обоих проявлений силовой жестокости. Об этом никто (пока что) не говорит и не пытается анализировать.

Вместе с тем мы начинаем наше исследование именно с анализа корпуса судебных текстов — документов, в которых государство открыто признаёт насильственные действия своих агентов преступными, пусть и не называя их напрямую пыточными. Это один из самых доступных массивов информации для анализа — публикация решений для судов в России является обязательной. Однако даже несмотря на это наш архив не является **полным** — уровень публикации решений по делам, связанным со статьёй 286 УК РФ, нельзя назвать удовлетворительным: примерно половина приговоров и постановлений нам недоступна.

Суды первой инстанции публикуют примерно половину решений, связанных с частями 3–5 статьи 286 УК РФ

График показывает число обнаруженных нами **карточек** и **текстов**, в них подгруженных

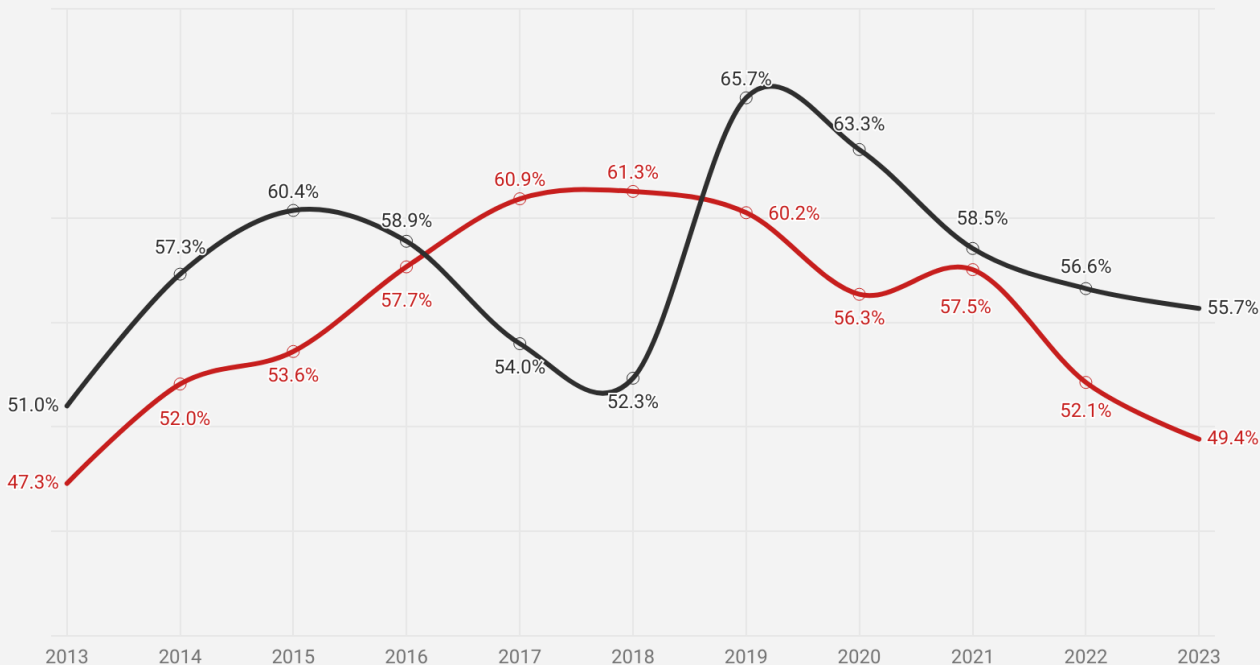
Поиск осуществлялся по сайтам районных судов⁴. Мы искали решения по оконченным делам и производствам, включая вынесение приговоров, постановлений о прекращении, о назначении мер медицинского характера, о возвращении дела на доследование и т. д., а также постановлений об избрании меры пресечения. Из поиска исключены дела, которые на момент скрейпинга ещё не были окончены.

Активная публикация информации о судебных делах началась с 2010 года, когда в силу вступил **закон**, обязывающий суды обнародовать информацию о своей работе. С 2013 года, когда первый этап цифровизации подошёл к концу и практика наполнения сайтов стала относительно нормальной, доля опубликованных решений остаётся стабильной и не падает ниже 47%. Медиана публикации для первой инстанции — 52%, для апелляционной — 55%.

При этом с 2017 года доля публикаций решений в первой инстанции стабильно падает: за последние 7–8 лет — почти на 12%. Та же тенденция с 2019 по 2023 годы видна и по карточкам дел, рассмотренных в апелляции: минус 10%.

⁴ Выгрузка приговоров осуществлялась в середине 2024 года — за несколько месяцев до возникновения технических проблем с ГАС «Правосудие». В связи с этим данные за 2024 год нельзя назвать полными. Также при анализе процента публикации за последний год стоит учитывать установленные законом сроки публикации — не позднее месяца со дня вынесения окончательного решения. На момент проведения скрейпинга суды ещё могли не выложить все имеющиеся решения по оконченным делам — а корпус текстов за последний год может не отражать реальную ситуацию с публикацией.

Последние годы доля опубликованных решений по делам и производствам, связанным с частями 3–5 статьи 286 УК РФ, падает и **в первой инстанции**, и **в апелляционной**

Опубликованные приговоры, в свою очередь, отличаются высокой степенью анонимизации, что порой усложняет исследователям работу, — суды «вычищают» из опубликованных текстов не только персональные данные (что положено по закону), но и другие важные для анализа индикаторы: например, суммы компенсаций морального и материального вреда, время и место совершения преступления и др.⁵. Иногда под цензуру попадает даже само описание объективной стороны, хотя такие случаи скорее являются исключениями. Всё это — вкупе с падающей долей публикации — не лишает нас возможностей анализа, но значительно их сокращает.

⁵ Такой вывод мы сделали на основе анализа биграмм — словосочетаний, состоящих из двух рядом стоящих слов и повторяющихся из текста в текст (от лат. «bis» — два). Формулировка «Данные изъяты» встречается в нашем массиве опубликованных судебных решений чаще всего.

Суды не так много говорят о насилии

Мы проанализировали весь имеющийся у нас корпус судебных текстов, связанных с насилием в государственных структурах, и увидели, что в список 60 самых встречающихся слов и словосочетаний, используемых судами по этой категории дел⁶, входит на так много конструкций, напрямую связанных с пытками, виновными и пострадавшими. Но те, что попадают в топ-60, либо универсальны и переносятся из решения в решение, либо являются калькой из закона:

- военный⁷;
- потерпевший;
- удар;
- телесное повреждение;
- сотрудник полиции;
- нанести удар;
- применение насилия;
- удар кулаком;
- выходить [за] пределы полномочий / явно выходить [за] пределы.

Эти слова и фразы не слишком вариативны, стандартны из года в год и не являются самыми часто встречающимися в сравнении с другими терминами, формулировками и описаниями, используемыми в судебном языке. Это говорит нам сразу о трёх важных речевых закономерностях: **описание насилия в судебных решениях (1) не отличается детализацией и не занимает много места в корпусе текстов, а также (2) скрывается за шаблонными фразами и канцеляритами, заимствованными из уголовного закона или других документов.** Вкупе это говорит о консервации судебного языка и неспособности акторов самостоятельно описывать насилие. Третий вывод касается характеристик описываемого судами насилия — **(3) чаще всего пытатели бьют пострадавших, а не используют какие-либо иные способы воздействия.**

О консервации и ограниченности языка описания насилия в судебных текстах также говорит и анализ униграмм-глаголов (в форме инфинитива). Мы обратили своё внимание именно на них, ведь именно через глаголы говорящий транслирует происходящее действие. Из топ-1000 судебных униграмм видно, что для передачи объективной стороны преступлений суды используют лишь универсальные и вместе с тем «аккуратные» слова: **осуществлять (осуществить), совершить, нанести, причинить, ударить, реализовать, принять, превышать.**

⁶ Анализировались по 20 первых по частоте уни-, би- и триграмм во всём корпусе текстов, а также в срезах, разбивающих этот корпус на года.

⁷ Приговоры о насилии в армии составляют бóльшую часть всех решений, вынесенных по части 3 статьи 286 УК РФ.

Эвфемизация

Формулировки, которые российские суды используют при описании пыток, избиений, психических издевательств и даже сексуализированного насилия со стороны силовиков, представляют собой отдельный язык — язык бюрократического сглаживания, юридической эвфемизации и обезличенного нарратива. Это язык, в котором конкретика подменяется заранее известными нормативными категориями, человеческие страдания — процессуальной нейтральностью, а тяжесть происходящего — сухими, почти стерильными перечислениями и юридическими оценками.

В описаниях одних и тех же действий мы регулярно сталкиваемся с характерной и заостренной особенностью — вместо прямых и эмоционально насыщенных слов, которые в теории могли бы (и должны) индивидуализировать специфику конкретной пытки, которой подвергся пострадавший, суд использует стандартные конструкции, кочующие из приговора в приговор, и формулировки, копируемые из ранее вынесенных решений. Изнасилование может быть названо «действиями, унижающими мужское достоинство»; электрошокеры и предметы мебели — «специальными и подручными средствами»; побои — «незаконным физическим воздействием» или «причинением боли». Стремление закрыть показатели, о котором пишут судьи от Калининграда до Владивостока, имеет устойчивую обёртку «действий, совершённых из неправильно понятых интересов службы», ненависть к задержанному или заключённому останется на бумаге не более чем «внезапно возникшей личной неприязнью».

Из приговора 2021 года, г. Ростов-на-Дону

Здесь и далее курсив — наш⁸

«Затем Халимов Р.В. взял в углу кабинета возле входа деревянную швабру и сказал, что засунет ему ее в задний проход и унизит его достоинство, и он поедет на зону не мужчиной».

Из приговора 2019 года, г. Воронеж

«При анализе мотивов, которыми руководствовался [подсудимый], суд учитывает, что, будучи недовольным по поводу курения [потерпевшего] в неположенном месте, он отдавал ему устный приказ выполнить 400 приседаний, тем самым неверно поняв интересы службы и оставив в стороне вопросы сохранения жизни и здоровья подчиненных военнослужащих».

⁸ При цитировании первоисточников в этом исследовании мы сохраняем оригинальные пунктуацию, стилистику и орфографию.

Из приговора 2015 года, г. Борзя

«Иное лицо, [...], умышленно одел на руки [потерпевшего] наручники, после чего высказал в адрес потерпевшего угрозу совершения с ним насильственных действий сексуального характера с помощью стеклянной бутылки, имеющийся в кабинете и презерватива, извлеченного им из одежды потерпевшего, то есть высказал [потерпевшему] угрозу применения насилия».

Во всех этих словах, строго говоря, нет правовой подмены или обмана, ведь реальное событие действительно описывается с особой фактологической чёткостью, без которой невозможна юридическая квалификация действия как преступного. Однако в том объёме, в котором ситуации насилия проходят через суды, **такие синонимы превращаются в эвфемизмы**, особенно скрупулёзно подбираемые в ситуациях, когда приговором поднимаются табуированные темы (например сексуализированные издевательства). Весь этот нарратив — не эксклюзивное изобретение судов. Такой способ говорить о насилии характерен для всей правоохранительной системы, а используемый ею язык представляет собой компиляцию закона и медицинских терминов, приводимых как очерёдность фактов в формально-бюрократическом стиле. В нём нет эмоций, человечности и этических оценок, которой бы требовала проблема жестокости и силового произвола.

Пыток нет

При этом слова «пытка» или «пытать» в текстах судебных решений практически не используются — они не попадают в топ-1000 самых значимых с точки зрения количественного анализа текста слов. Обычно они фигурируют не в описании насильственных действий, а появляются лишь в той части решения, где суд вынужденно цитирует декларативные нормы о запрете пыток на уровне закона. Так описывается насилие устами и «именем Российской Федерации».

Типовая формулировка, характерная для начала описательно-мотивировочной части подавляющего большинства приговоров по делам о силовом насилии в России — суды цитируют Конституцию, и это единственное упоминание пытки в тексте

«Согласно статье 21 Конституции Российской Федерации, достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

И такое описание насилия наиболее стабильно из года в год: анализ корпуса приговоров за 2012-й и 2024-й не будет отличаться — формально-бюрократический язык не склонен к разнообразию и динамике, ведь новые слова не поступают в судебный словарь, — но мы видим, как значимость разговора о насилии сокращается даже при использовании более мягких слов.

**Самые значимые слова, используемые судами
в контексте описания насилия, связаны с побоями —
именно они регулярно попадают в топ уни- и биграмм**

При этом формулировка «нанести удар» для них предпочтительней
активного и прямолинейного глагола «ударить»

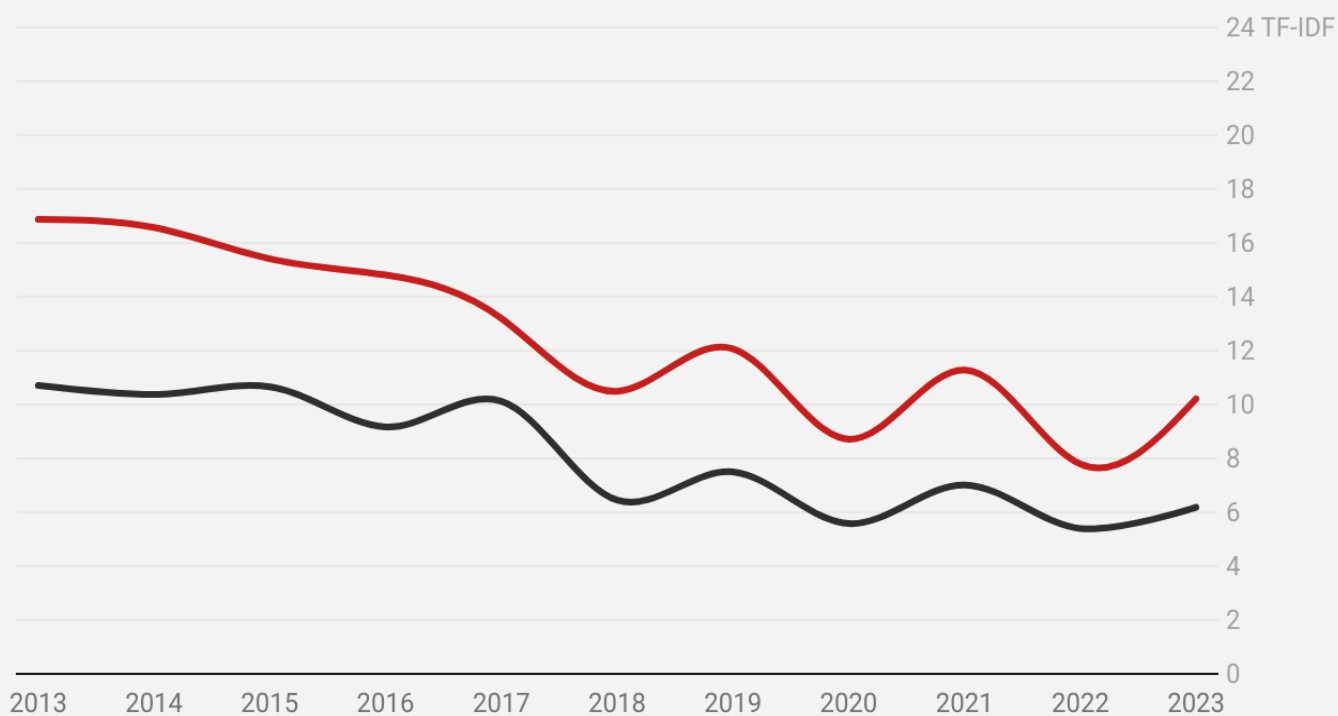

График построен на нормализованном значении TF-IDF за календарный год — чем оно выше, тем выше значимость слова в корпусе проанализированных текстов. Подробнее о методологии его расчёта можно узнать в Приложении 2 к этому исследованию. Для сравнения, в 2023 году самой значимой униграммой-глаголом было слово «указать» — его значение TF-IDF составило 92.

Авторы насилия и пережившие насилие — растворённые субъекты

Одновременно с этим язык судебных решений не только формален, но и нередко обезличен. Суды могут использовать пассивные обороты, в которых как бы нет автора насилия: «было нанесено», «было осуществлено», «наступили последствия». Эти фразы на уровне языка как бы снимают ответственность с причинителя вреда и описывают ситуацию, в которой насилие совершается словно само по себе. Многомесячную болезнь и период реабилитации суды свяжут с «вредом здоровью, повлёкшим стойкую утрату трудоспособности» и «нравственными страданиями».

Из приговора 2013 года, г. Будённовск

«В результате указанных действий, Г. были причинены боль, нравственные страдания, а также телесные повреждения в виде кровоподтёков лица, левой ушной раковины, не причинившие вреда здоровью».

Из приговора 2022 года, г. Выборг

«Названные повреждения могли быть причинены [потерпевшему] в результате нанесения ударов [в определённый день]. Эти повреждения не повлекли за собой расстройства здоровья или утраты общей трудоспособности и по этому признаку расцениваются, как не причинившие вред здоровью».

Само использование сложных конструкций и пассивного залога — норма для любого правового текста, и в этом смысле российская практика не отличается от юридической техники, применяемой в других языках. Однако по делам, в которых от квалификации насилия и оценки его последствий зависит исход, такая «нормализация» особенно стирает индивидуальность кейсов и обезличивает пострадавших. Насилие не отрицается, но и не проговаривается. За него осуждают, но как будто и не судят. Памятуя о связи нашего языка и мышления, становится понятно, как у судов формируется такая неспособность говорить о пытке — в их распоряжении просто нет соответствующего словаря.

Нейтральность

Крайне редко суды позволяют себе эмоциональные оценки и используют соответствующие эпитеты, но если такие примеры и встречаются, то только в делах, где

уровень жестокости действительно выбивается из общего потока насильственных кейсов. Обычное же, «повседневное» насилие продолжает прятаться за риторической унификацией. В этом смысле с судами работает та же логика, что и с резонансными событиями, освещаемыми в СМИ, — чем нетипичнее случай, тем меньше в нём стандартизации и больше субъектности. Но нередко это не рассуждения и характеристики судов, а цитирование чьих-то показаний или формулировок из материалов следствия. Даже здесь суд устраняется от оценок, перекладывая рассказ о жестокости на других и ограничиваясь правовой квалификацией.

Из приговора 2021 года, г. Клин

Пример подробного и последовательного описания насилия и его жестокости словами свидетеля

«Свидетель показал, что [в] квартиру вошли полицейские, их разбросали по комнатам: жену с дочкой и внучкой отправили в большую комнату, [потерпевшего] силовики затолкали в кухню, его и сына уложили на пол, наносили удары, надели наручники и продолжали бить ногами. Кто это делает, он не мог видеть. В таком положении лежали не менее 30 минут. [...]. Ему было прекрасно слышно, что происходило в кухне. [Потерпевшего] жестоко избивали, тот кричал, просил о помощи, но к нему никого не пускали. Были слышны звуки ударов, вскрики, билась посуда. [Свидетель увидел потерпевшего] сидящим у холодильника, лицом к нему, на руках наручники, на лице сплошная гематома, разбито в кровь. Сотрудники, которые были в форме, ничего не делали, просто стояли в прихожей».

Из приговора 2020 года, г. Шарья

Суд оценивает доказательства

«В результате превышения должностных полномочий [подсудимым] были существенно нарушены гарантированные и охраняемые государством конституционные права гражданина – отбывающего наказание [...] осужденного [...], которому противоправными действиями были причинены физическая боль и телесные повреждения, унижено его человеческое достоинство, нарушено право на личную неприкосновенность».

Такое отсутствие описаний и маскировка канцеляризмами имеет ещё одно важное следствие — условно «простое» силовое насилие описывается теми же формулировками, что и жестокие преступления, закончившиеся нанесением тяжкого вреда здоровью или смертью. Сексуализированные воздействия на уровне языка передаются не более разнообразно, чем ситуативные затрещины и пощёчины: «оскорбил достоинство», «нарушил права и свободы», «совершил посягательство» и т.д. Неумение говорить о насилии и классифицировать его приводит к тому, что обыватель, читающий приговор, за серыми однотипными конструкциями не всегда сможет разобрать всю жестокость и несправедливость ситуации — а вместе с тем и искренне её осудить.

Подобный отказ от детализации — на уровне обезличивания, опущения подробностей, использования юридических эвфемизмов — не столько следствие правовой специфики. Это устоявшаяся институциональная практика, которая производит конкретный эффект: **насилие остаётся скрытым за бестелесными синонимами, а пытка и её последствия маскируются неперсонифицированными шаблонами.** Пострадавших, так же как и преступников, как будто лишают субъектности: в используемых судами конструкциях они не «испытывают страдания», им их не «причиняют» — они им «причинены» кем-то, кого в тексте решения ещё нужно отыскать. То, как мы говорим, выражает нас самих. И деформация языка, находящегося в разрыве с реальностью, приводит к деформации в том числе тех акторов, которые таким языком оперируют.

Описательная бедность языка российских судов по отношению к насилию — это не только стилистическая особенность, но и социальный симптом, характеристика институтов. Она в том числе указывает на структурную потребность не замечать то, что неудобно признать, во что не хочется вникать, чему не хочется давать эмоциональную оценку, — потребность маскировать и стандартизировать то, что должно выделяться и порицаться.

И эта задача кажется нерешаемой: возможно ли сделать язык приговора более человечным и индивидуальным, не пожертвовав юридической точностью? Нужно ли гуманизировать наш способ говорить о насилии в сфере права или для этого есть более подходящий контекст?

**«Проблема есть, но надо
спокойненько с этим работать»****Как говорят о пытках в политическом поле**

Политический дискурс, в который просачиваются самые разные правовые проблемы, очень разнообразен. И это разнообразие обеспечивают не только обсуждаемые темы, но и акторы, вступающие в разговор, — это могут быть политики высшего уровня, чиновники исполнительной власти и даже представители той политической плоскости, что частично пересекается со сферами гражданского активизма и правозащиты. Вместе с тем, если какая-то тема обсуждается в публично-политическом поле, то это, как правило, становится предвестником изменений, в первую очередь — правовых.

Однако с темой пыток многолетние разговоры о проблеме вовсе не означают её скорого решения. О беззащитности людей перед государственным насилием и произволом со стороны силовиков в России говорят давно, много и открыто — это делают международные органы, правозащитники, представители гражданского сектора, — однако на уровне власти о ней вспоминают лишь после того, как происходит нечто вопиющее, о чём становится известно общественности. Так происходило после резонанса вокруг смерти в СИЗО Сергея Магнитского, после кейса Дениса Евсюкова — милиционера, расстрелявшего нескольких человек в столице, — после опубликования серии доказательств пыток в пенитенциарной системе с 2018 по 2021 годы и других громких случаев. Резонанс вынуждает политиков говорить.

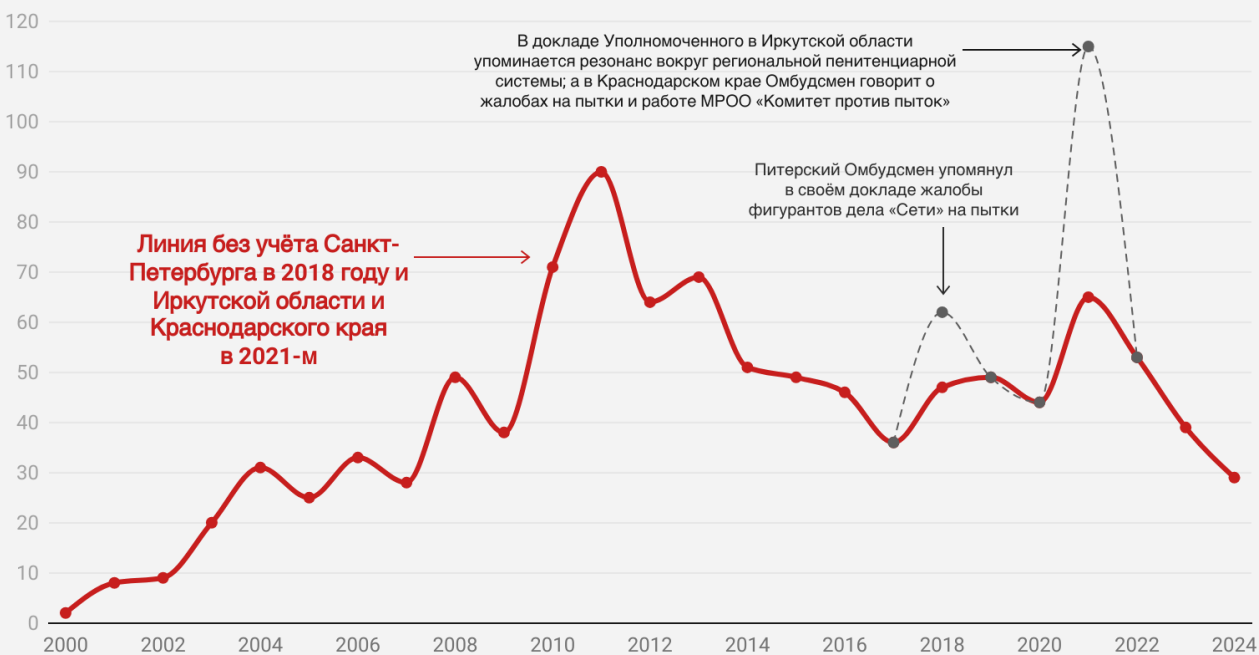
В периоды «медийного штиля» о пытках же не говорят и уж тем более не работают с ними как с системной проблемой. Более того, последние годы, работая с теми, кто обращается к правозащитникам за помощью, мы видим, как уменьшается интерес чиновников и политиков к теме насилия — добиться от них реакции становится всё сложнее.

Для поиска примеров можно посмотреть, как работают региональные уполномоченные по правам человека и какие темы они считают достойными освещения. Мы собрали все доступные в Интернете ежегодные доклады об их работе и подсчитали, что с начала десятых годов упоминания проблемы пыток в них неуклонно сокращается, опустившись к 2024–2025 годам на уровень единичных фраз. «Всплеск» интереса омбудсменов, видный на графиках в 2018 и 2021 годах и выбивающийся из тренда на игнорирование проблемы,

спровоцирован не активной правозащитной работой, а всё тем же резонансом, — и обеспечен тремя регионами.

После 2011 года региональные омбудсмены стали всё реже использовать слово **«пытка»** и его производные

Число упоминания слова и его производных в ежегодных докладах региональных уполномоченных по правам человека

Мы анализировали только те тексты, что удалось найти в открытом доступе на соответствующих официальных сайтах

Так, в 2018 году питерский Омбудсмен в своём **отчёте** указал на сообщения о пытках фигурантов нашумевшего дела «Сети»⁹ и неоднократно цитировал международные документы, затрагивающие вопросы важности запрета пыток. А в 2021-м Уполномоченный по правам человека в Иркутской области даже **отвёл в ежегодном докладе** целый параграф проблеме пыток в пенитенциарной системе — и снова виной всему огласка. Также **выделился** в 2021 году Краснодарский край: там омбудсмен в своём докладе несколько раз использовал слово «пытка» — часть упоминаний связана с жалобами на них, а также цитированием аналитики МРОО «Комитет против пыток» и выступления Евы Меркачёвой на заседании Совета по права человека при Президенте РФ, где поднималась проблема

⁹ Сообщество признано террористическим, внесено Росфинмониторингом в Перечень террористов и экстремистов, его деятельность запрещена на территории РФ. Дело «Сети», иначе называемое «пензенским», известно тем, что члены ячеек этой организации, по версии государственных органов, планировали теракты и насильственный захват власти — однако многие общественные активисты и правозащитники считают дело сфальсифицированным. Дело обрело широкую известность, в поддержку его фигурантов проводились митинги и общественные кампании.

силового произвола. Это ещё раз подтверждает тезис о том, что без резонанса и давления извне проблема пыток на уровне слов — и, соответственно, действий — игнорируется. В остальных регионах и в другие годы пыток в России, если верить главным правозащитникам страны, похоже, нет.

**Из доклада Уполномоченного по правам человека
в Санкт-Петербурге за 2018 год**

«В 2018 году широкий общественный резонанс получила информация о гибели в следственном изоляторе предпринимателя В.А. Пшеничного, о возможном применении пыток к обвиненному в незаконном обороте оружия П.А. Зломнову, ряд других тревожных сообщений о возможном незаконном применении насилия должностными лицами. Однако наиболее ярким примером, наглядно демонстрирующим проблемы в этой сфере, стали обстоятельства задержания членов так называемого сообщества «Сеть» В.С. Филинкова, Ю.Н. Бояршинова, И.Д. Шишкина».

**Из доклада Уполномоченного по правам человека
в Иркутской области за 2021 год**

«Резонансные случаи, произошедшие в конце 2020г., в начале 2021г. в исправительных учреждениях Иркутской области, и ставшие известными практически во всем мире, о фактах пыток и жестокого обращения с осужденными, заставили серьезно заговорить профессиональное сообщество при активном участии правозащитных организаций о необходимости изменения уголовного законодательства, посредством внесения изменений в Уголовный Кодекс РФ, уточнив понятия «пытки», определив отдельные уголовные составы, усилив ответственности за указанные деяния. Особую актуальность данная проблема приобрела при расследовании так называемого «дела о бунте» в ФКУ ИК-15 ГУФСИН России по Иркутской области (далее — ИК-15), произошедшего в апреле 2020 года, где пострадавшими от пыток, жестокого обращения признано более 30 потерпевших из числа осужденных».

**Из доклада Уполномоченного по правам человека
в Краснодарском крае за 2021 год**

Интересна информация, предоставленная МРОО «Комитет против пыток» (далее — Комитет). Согласно данным Краснодарского филиала Комитета, в 90% случаев по итогам доследственной проверки Следственный комитет по жалобе на пытки отказывает заявителю в возбуждении уголовного дела. Если же уголовное дело и возбуждается, то до этого момента следователи в среднем 7 раз отказывают в его возбуждении. При этом заявителю в большинстве случаев самостоятельно приходится добиваться отмены «отказного» постановления. Вместе с тем за 4,5 года работы Краснодарскому филиалу Комитета так и не удалось добиться ни одного осуждения сотрудников правоохранительных органов, подозреваемых в совершении такого преступления.

Надо сказать, что огласка вовсе не плоха сама по себе — благодаря ей мы нащупываем пробелы, нуждающиеся в заполнении. Проблемы начинаются тогда, когда вне этого резонанса работа прекращается, а те, на ком лежит ответственность за «исправительную» работу, о негативном явлении без внешнего внимания забывают. Резонанс зачастую обеспечивает и изменение правового регулирования — власти вынуждены реагировать на откровенные случаи произвола и переизобретать механизмы защиты от повторения подобного в будущем.

Так в теории работает нормотворчество: какое-то событие происходит в обществе, вызывает реакцию, провоцирует осмысление — и если признается нарушением правопорядка, то государство через введение новых норм (или обновление неэффективных) создаёт механизмы превенции, контроля и санкционирования. В этой цепочке без признания проблемы на государственном уровне невозможно создание эффективных механизмов противодействия. Именно поэтому реакция государства так важна, когда мы говорим о силовом насилии. И важен язык, на котором о нём говорят.

Закон не отражает реальности пыток

Именно так — через резонанс и внешнее давление — и произошло с частичной криминализацией пыток в России. Несмотря на все обсуждения и многолетнюю историю борьбы с насилием в правоохранительной системе, этот процесс не завершён до сих пор: в 2022 году пытка внесена в статью УК о превышении должных полномочий, но так и не выделена отдельным составом, как того требовали российские правозащитники и международные организации. Но впервые заговорили о необходимости придать пытке юридическую оболочку не после дела об издевательствах над заключёнными в тюремной больнице под Саратовом¹⁰, как принято считать, а четвертью века раньше.

Эта дискуссия началась всего через пару лет после принятия первого постсоветского Уголовного кодекса — соответствующий законопроект даже **внесли** в Госдуму. Три с половиной года спустя — в 2002-м — его окончательно отклонили. Депутаты признавали наличие и преемственность проблемы пыток, и даже говорили о том, что силовое насилие по природе отличается от бытового, но упорно отрицали потребность в новой норме.

¹⁰ О том, что предшествовало криминализации пыток в 2022 году, подробно можно прочитать в третьей главе первой части нашей книги: *Анатомия распада. Как и почему права человека перестали быть ценностью в современной России.* — Нижний Новгород: Команда против пыток, 2024. Фрагмент об этом начинается со стр. 97.

Заседание Государственной думы, 15 февраля 2002 года

— Стоит ли фокусировать отдельно внимание в нашем законодательстве на таких явлениях, когда пытки применяются [...] при проведении процедур дознания, при следственных действиях? **Мы полагаем, что нет.** Это фокусирование, безусловно, отвечает международным конвенциям. Кстати, все эти конвенции ратифицированы еще Советским Союзом, и Российская Федерация следует им и в соответствии с Конституцией руководствуется ими в своей деятельности. И дополнительное отражение вот этих позиций [...] на самом деле является просто **чисто таким фасадным элементом**, а не сущностным. Более того, попытка внести подобные изменения [...] в уголовное законодательство приведет к тому, что нарушится стройность Уголовного кодекса. [В]ы знаете, как редко мы принимаем законы, которыми вносились бы изменения в действующий Уголовный кодекс, и в то же время какое огромное количество законопроектов мы рассматриваем и отклоняем. [...]

[Я] просто хотел бы (может быть, не совсем в связи с текстом законопроекта) напомнить, что все эти пытки, все эти «слоники», все эти «ласточки», — **они очень хорошо практиковались еще во времена сталинского ГУЛАГа.**

— Что делать, уважаемые коллеги? Ну не любит Правительство нашего народа! [...] Любит вот стройность неких бюрократических умозаключений, а народа, к сожалению, не любит. **Вот есть нормы, лакун нет, а пытки есть. Никто не может сказать, что их нет, они есть.** И тем не менее не нужно ничего делать. Всё хорошо, пускай дальше продолжают неумехи-следователи истязать наше общество и сажать наш народ, а мы будем «стройно» продолжать свою чиновничью работу.

Я хотел бы еще напомнить о том, что [...] в мае парламентской делегации Государственной Думы надо будет [...] встречаться там с международным комитетом по предотвращению пыток, где нас в пятый раз (уже в пятый раз!), пятый год спрашивают: ну так вы что-нибудь сделали в этом направлении? **Я очень надеюсь на то, что нам будет что сказать в этот раз.** [...]

В декабре 2003 году «пытка» всё же появилась в Уголовном кодексе — но лишь как примечание в статье об истязаниях, в главе, не имеющей отношения к преступлениям, совершаемым представителями государства. В тот год в стенограммах заседаний ни **Госдумы**, ни **Совета Федерации** нет ни одного упоминания того, что «пыточный» вопрос обсуждался, её внесение в текст УК прошло практически незаметно. При этом новой поправке не сопутствовало внимание общественности, как обычно бывает с принятием чувствительных инициатив. Примечание внесли вместе с целым рядом дополнений, существенно изменивших Уголовный кодекс, за сохранность которого депутаты так беспокоились двумя годами раньше.

Вернутся к вопросу о пытках законотворцы только 18 лет спустя — когда после череды медийных скандалов игнорировать отсутствие наказания за пытки в России стало невозможно. **Тогда депутаты наконец открыто признали проблему пыток**, хоть

игворили, что одной криминализации для борьбы с порочной практикой будет недостаточно. Отдельные депутаты уже на стадии обсуждения законопроекта понимали, что ввести пытку в закон мало — требуется наполнить это слово содержанием и отличить его от других проявлений насилия. Другие их коллеги предсказывали, что без глубокого анализа причин явления борьба с пытками на уровне одного лишь закона плодов не принесёт. Как покажет время, все они оказались правы. Вспоминать об этом после того, как пыточная тема сошла с первых полос, уже никто не стал. Хотя само по себе признание проблемы пыток с трибун законотворцев уже можно считать большим прорывом.

Заседание Государственной думы, 22 июня 2022 года

— [...] Мы, конечно, поддержим этот законопроект, но [...] **проблему пыток он не решит** в чистом виде, потому что здесь действительно **требуются комплексные меры**. Пытки в наших учреждениях пенитенциарной системы — это такой **очень латентный процесс**, скрытый, поэтому, безусловно, необходимо будет менять, выводить, например, систему здравоохранения из-под управления ФСИН. Это надо сделать, потому что тюрьмы, например в Саратове, или другие учреждения, которые скрывали факты насилия, которые скрывали факты физических, скажем так, повреждений, не должны работать в этой системе, так как она фактически давит на них, не позволяет это фиксировать. [...]

— [...] Не думаю, что кто-то из находящихся в зале не знал о давлении на **сидящих в местах лишения свободы, в том числе с помощью пыток**. Это известная абсолютно всем история. Если немножко раньше, 30–40 лет назад, пытки тоже были, конечно, но они в основном были направлены на то, **чтобы выбить показания для раскрытия преступлений, для квазираскрытия преступлений, были направлены на статистику**, то сейчас, что греха таить, мы знаем, что это часто используется для давления на бизнес, для того чтобы отнять акции, предприятия, недвижимость и так далее.

Конечно же, ставшие известными чудовищные факты применения пыток взорвали общественное мнение, и они не могут остаться нами не замеченными — нужно с этим бороться. И конечно, предложенный проект — это первый шаг, здесь уже об этом говорили. Надругательство над заключёнными, унижение их человеческого достоинства, попрание основных прав человека **не могут быть оправданы никакими намерениями сотрудников правоохранительных органов и никакими социально значимыми целями**.

Заседание Государственной думы, 21 июня 2022 года

— [О]бъясните мне, пожалуйста, [в]от в чём **разница между издевательством, мучением и пыткой?**

— Пытки теперь будут прописаны исключительно в специальной статье применительно к специальному субъекту. В статьях 286 и 302 будет дано примечание, что мы понимаем под пыткой: как действие, так и бездействие, и это, кстати, уже учтено после обсуждения в первом чтении. Так вот, **издевательства и мучения носят ситуативный характер, в понятии «пытки» заложен субъективный характер — в целях выбивания показаний**. Вот эта разница как

раз заложена при распределении наказаний, и она будет являться неким водоразделом при квалификации данных преступных деяний.

[...]

— [В] этой поправке идёт речь о ещё одном определении вот этих действий. То есть у нас есть слова «насилие» и «издевательства» [...] и есть «пытки». И то же самое: **не совсем понятно, чем отличаются насилие и издевательства от пытки.** А до этого было, я напомним, «издевательства» и «мучения», 117-я статья. Вот три определения, самые разные, и как в правоприменительной практике можно будет отличить насилие и издевательства от пыток?

— Спасибо за вопрос. Но определяется только пытка, даётся понятие «пытка». **Всё остальное носит, как я уже сказала, абсолютно ситуативный характер** – как насилие, так и издевательства и мучения. А вот пытка – в целях выбивания показаний и носит системный характер, рассчитанный именно на это.

Заседание Государственной думы, 16 февраля 2022 года

— Мы говорим сегодня о системе. Сколько было привлечено людей, сотрудников ФСИН, по большому счёту, сотрудников прокуратуры, там, я не знаю, других правоохранительных органов, вот по этим самым статьям за пытки? Такой статистики у нас нет. **А раз статистики нет, мы можем сегодня принять хоть расстрел, как предлагал предыдущий выступавший, хоть ещё какие-то...** Если это не работает, если людей просто не привлекают, то для кого тогда это угроза? Ни для кого это не угроза. Просто отчитались депутаты: есть проблема – депутаты приняли какой-то закон, который не будет работать и дальше. **Без статистики, без анализа здесь дальше рассуждать совершенно бесполезно.** Без анализа этой системы, без понимания, почему и какие условия способствуют этому, тоже делать это будет совершенно бесполезно, потому что здесь накладываются разные факторы, в том числе деформации профессиональные, которые у таких сотрудников случаются, в том числе вопросы профилактики вот этих, к сожалению, мерзких случаев.

В политическом поле практически нет событий и совсем нет их героев

Несмотря на долгий путь к законодательному признанию проблемы пыток в России, заблуждением будет считать, что политики не говорили о ней раньше. В разные годы комментировали государственный произвол и президент, и министры, и руководители различных силовых ведомств. Однако стиль их риторики принципиально отличается от того, как говорили о пытках законодотворцы.

Эта разница обусловлена и ситуацией, в которой произносится высказывание, и его форматом. Другими словами, депутат, признающий проблему пыток, в ситуации дискуссии

рассуждает, оппонирует, спорит, высказывает своё мнение — его речь максимально приближена к живой, хоть и степень свободы высказываний может зависеть от самых разных факторов. А вот президент или его пресс-секретарь, министр или высокопоставленный силовик, комментируя то или иное явление, ограничен коротким высказыванием, не подразумевающим диалога и потенциально способным разойтись на цитаты и украсить новостные заголовки. **Такой актер не рассуждает, а декларирует позицию, институциональную, коллективную и часто заранее сформулированную.**

И такие позиции, как правило, не комментируют отдельные кейсы или не упоминают имён фигурантов различных пыточных дел — проблема порицается как будто **абстрактно и неперсонифицированно**. В этом бюрократический язык схож с языком замалчивания и обезличивания, которым могут пользоваться как госорганы, так и простые люди, которые не могут, не хотят или не умеют говорить о насилии напрямую. В словах тех, кто оперирует таким языком, сложно разглядеть ситуации и лица, в них вовлечённые. Даже если в ответе на конкретный вопрос подразумеваются конкретные люди, чиновникам высокого уровня свойственно говорить о них отстранённо — «неприятная ситуация», «эти факты», — опуская имена собственные. Это тоже своего рода эвфемизм и избегание. Ещё одна эффективная речевая стратегия, помогающая уходить от конкретики, — перевести внимание аудитории в другое русло: упомянуть, что бывает хуже, или же потребовать немедленной реакции от других.

«Трудно представить, **что о неблагополучной ситуации** в том же отделе “Дальний”¹¹ никто не знал. Наверняка знали, видели, но предпочитали закрывать глаза, а это, на мой взгляд, как раз и есть преступное бездействие. К сожалению, **такие случаи** у нас не единичны».

— министр внутренних дел комментирует череду пыточных кейсов, фигурантами которых стали сотрудники МВД, 2012 год

«**Факты, которые всплывают**, это недопустимо, это преступление, и за это **нужно наказывать**. И хорошо, что мы узнаем об этом из СМИ. Говорить о том, что все нужно переломать, — тоже неправильно. **Нужно повышать уровень гражданского контроля**».

— президент России отвечает на вопрос о пытках в колонии в Ярославской области, прямая линия 2018 года

¹¹ Речь идёт о казанском пыточном деле 2012 года, возбуждённом в отношении нескольких сотрудников МВД. Расследование череды пыток началось со смерти заключённого, который после задержания и пребывания в полиции был госпитализирован с разрывом кишки.

«Это не система, это отдельные случаи, с которыми мы боремся, и я надеюсь, что **их** просто не будет, мы их изживем. [...] По **каждому такому факту** проводится служебное разбирательство, **виновные** однозначно несут ответственность вплоть до уголовной, получают по заслугам»

— директор ФСИН комментирует пытки
во вверенном ему ведомстве,
пенитенциарный форум 2019 года

«Нужно прежде всего опираться **при оценке этой ситуации** на данные следствия. 17 уголовных дел возбуждено. И они расследуются. Да, **проблема есть**, и надо спокойненько с этим работать и опираться на добросовестное полноценное расследование тех преступлений, а это явное преступление, безусловно, которые были совершены. [...] Если вы **посмотрите на то, что происходит в соответствующих учреждениях в других странах**, вы увидите, что там проблем не меньше».

— президент России отвечает на вопрос о пытках
в пенитенциарной системе, в частности,
в тюремной больнице под Саратовом,
прямая линия 2021 года

Дальше от государства — очевидней проблема

При этом чем дальше публичный спикер находится от властной вертикали, тем выше вероятность, что силовое насилие будет оценено им так, как и должно: с адекватным уровнем порицания и конкретизации. О проблемах проще говорить тем, кто обладает достаточным весом, но не вписывается в привычное представление о чиновнике.

Так, Владимир Лукин, покидая в 2014 году пост Уполномоченного по правам человека, открыто признал проблему пыток в России, с которой должны были бороться его преемники: «Искренне желаю тому, кто следующие пять лет будет занимать этот пост, иметь возможность сказать: Россия перестала быть страной, где практикуются пытки, — сказал Лукин. — При всех проблемах, связанных с поздними советскими временами, временами позднего Никиты Сергеевича Хрущева и Леонида Ильича Брежнева, тогда значительно реже возникали ситуации с пытками. Там были свои проблемы, большие проблемы, но с пытками ситуации были исключительными».

Подобный стиль разговора о государственном насилии присущ, например, омбудсменам и членам СПЧ, — институтам, созданным как буфер между государством и обществом, — чиновникам исполнительной ветви власти: в их высказываниях меньше стремления размыть проблему и чаще слышатся конкретные имена. Это не делает их высказывания менее декларативными, но в них уже заведомо больше человечности, открытости и меньше канцелярского формализма.

Умолчание и замещение

Дискурс-анализ публичных высказываний показывает, что абсолютное большинство заявлений о пытках со стороны чиновников носят реактивный характер. Они не задают повестку — они вынужденно на неё откликаются. За период с 1991 по 2025 годы можно найти совершенно незначительное количество прямолинейных публичных высказываний о пытках и насилии — непростительно мало для темы такого масштаба. В сравнении, например, с количеством упоминаний коррупции, международных санкций или даже условного дорожного строительства, тема пыток присутствует в официальной риторике в десятки раз реже.

Когда же политические фигуры всё-таки высказываются, они используют ограниченный набор речевых стратегий. Первая — **отрицание или замещение**: вместо слова «пытка» используется менее жёсткое определение («нарушение прав», «неприемлемое поведение»). Вторая — **обесценивание**: речь идёт не о системной проблеме, а об отдельных «нечестных сотрудниках», «недобросовестных исполнителях». Третья — **бюрократическое дистанцирование**: при наличии явных доказательств звучат формулы типа «мы ждём окончания следствия», «если подтвердится — примем меры». Во всех трёх случаях язык работает не на описание реальности, а на её смягчение, отодвигание, растворение.

Бросается в глаза и экспрессия высказываний. Даже в тех редких случаях, когда чиновники говорят о пытках прямо, эмоциональная насыщенность этих заявлений крайне низка. Отсутствует язык сострадания, сочувствия, возмущения. Нельзя найти ни одного публичного высказывания главы ФСИН, министра внутренних дел или Следственного комитета, в котором бы использовались слова сочувствия пострадавшим. Преобладают административно-обезличенные формулировки: «допущены нарушения», «установлены признаки преступления». Даже президентские заявления (в частности, в 2011 и 2023 годах) не выходят за рамки осторожного признания, что «за пытки нужно наказывать» — но без констатации того, что они происходят систематически.

Разные стратегии молчания о пытках в официальном дискурсе — это способ управлять границами допустимого, определять, что считается проблемой, а что — нет, с чем нужно бороться, а что не выходит за пределы единичного эксцесса. Повод для разговора возникает только тогда, когда молчание становится невозможным. Даже в такие моменты политическое поле говорит о насилии осторожно, без эмоций, без признания истинного масштаба проблемы и без готовности нести ответственность.

Насилие в медиа — количественный обзор

Несколько лет назад в процессе работы над одним из наших предыдущих исследований мы обратили внимание на то, как изменилась работа средств массовой информации по темам, связанным с насилием. С одной стороны, нельзя было не заметить, как со временем на смену репортажному жанру всё чаще стали приходить новостные заметки и пересказы пресс-релизов государственных ведомств. Это, как следствие, повлекло за собой и трансформацию описательного стиля. С другой стороны, активно развивающиеся современные медиа тщательней подходят к отбору инфоповодов, попадающих в их новостную ленту: десятая за месяц новость о «типовом» избиении при задержании вряд ли привлечёт внимание редакторов так же, как первая. Это и есть то самое следствие рутинизации и нормализации насилия на уровне языка, о котором мы говорили в самом начале: **обилие однотипных новостей делает их незаметными**. Это вовсе не значит, что десятый за месяц избитый страдал меньше, чем первый — просто говорить о нём, с позиции контент-мейкеров, как будто уже нет смысла.

Именно это наблюдение и привело нас к попытке проанализировать прессу и материалы, опубликованные за последние 30 лет. Мы выбрали изучение медийного пространства как одну из развилок нашего исследования по двум причинам. Первая — относительная лёгкость получения массивов с данными, ведь современные информационные базы, специализирующиеся на агрегировании медиаматериалов, располагают богатыми и разноформатными архивами, содержащими транскрипты, оцифровки и копии интернет-контента, а также инструментами их анализа.

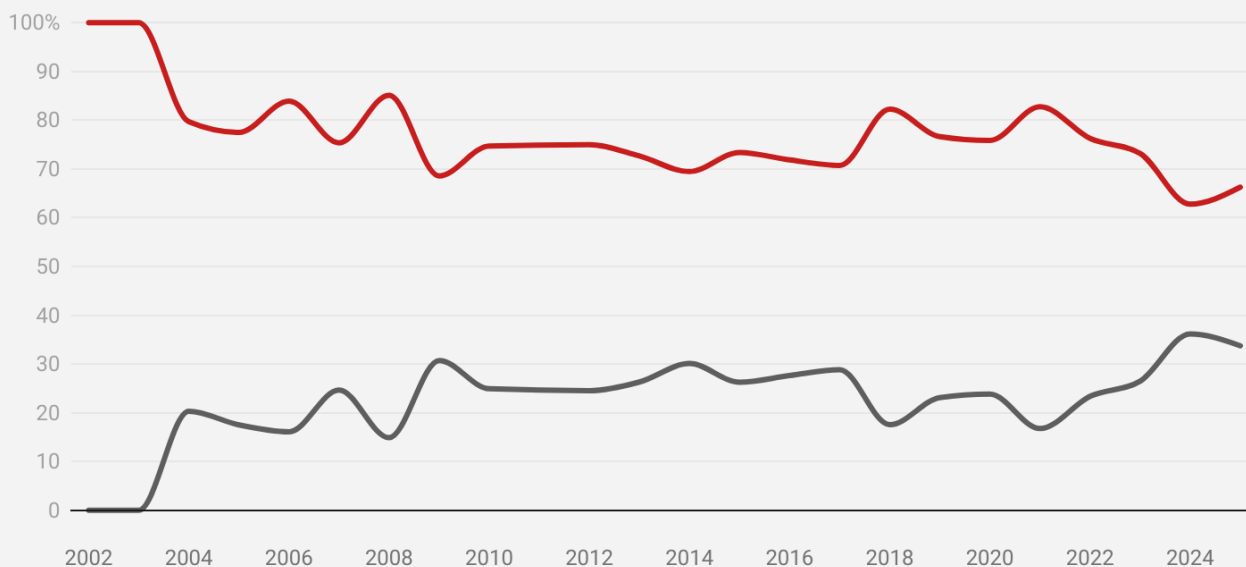
Вторая причина — специфика работы медиа и их миссия в современном обществе. Большинство средств массовой информации ежедневно балансируют между своими собственными редакционными интересами и целями и интересами той аудитории, которую конкретное медиа стремится привлечь. Без удовлетворения последнего, как правило, невозможно достижение первого. Это делает редакции зависимыми от реакции своего читателя и вынуждает их (1) говорить с аудиторией на языке, ей понятном, и (2) подбирать темы таким образом, чтобы поддерживать к себе интерес. Вкупе эта балансировка и рождает ту самую информационную повестку, которую люди после прочтения новостей будут осмыслять и обсуждать.

В этом смысле анализ динамики развития коммуникационных тактик в медиапространстве кажется наиболее уместным для целей нашего исследования: именно здесь нам будет проще всего понять, как устроен язык пыток в современной России, как он таким стал и как вообще темы насилия попадают в новостные ленты. А ещё журналисты попросту ближе в своих нарративах к простому обывателю, нежели судьи с их эвфемистическими и обезличенными формулировками или же политики, монополизировавшие язык отрицания. Язык медиа более человечен и доступен.

В век информационной журналистики — стираются герои?

Наша гипотеза о смене коннотаций при описании насилия нашла своё подтверждение практически в самом начале нашего исследовательского пути: сентимент-анализ, позволяющий измерить настроение заметок, показывает, как с годами уменьшается доля негативно-окрашенных публикаций, связанных с темами силового произвола и насилия. В 2024 году только 63% всех известных нам публикаций о пытках можно охарактеризовать как негативные — это минимум за всю современную историю российских медиа.

С годами СМИ всё чаще пишут о насилии
в **нейтральных оттенках** — сегодня лишь
2/3 журналистских материалов
имеют **негативный окрас**

А вот доля нейтральных текстов, наоборот, растёт. Это может объясняться ростом числа информационных сообщений, чья постепенно увеличивающаяся доля неизбежно

вытесняет объёмные красочные истории, полные деталей, — истории, преследующие цель осудить пытателя и поддержать пострадавшего. Частотный анализ используемых в медиа словесных конструкций показывает, что за последние 8 лет смысловой акцент **с действий (пытка)** и **акторов** (в т. ч. правозащитников и пытателей) на уровне языка смещается на констатацию события («возбуждено уголовное дело по факту превышения должностных полномочий»). Цитирование канцеляритов и замена деталей и подробностей на перечисление фактов — явный признак, отличающий современную новостную и информационную журналистику.

	Самые часто встречающиеся биграммы в исследованном медиакорпусе	Самые часто встречающиеся триграммы в исследованном медиакорпусе
2005	правозащитная организация	превышение должностных полномочий
2006	применение пытки	сотрудник правоохранительного органа
2007	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2008	Комитет [против] пыток	превышение должностных полномочий
2009	сотрудник милиции	возбудить уголовное дело
2010	уголовное дело	возбудить уголовное дело
2012	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2013	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2014	сотрудник полиции	возбудить уголовное дело
2015	сотрудник полиции	коллония строгого режима
2016	сотрудник полиции	возбудить уголовное дело
2017	уголовное дело	коллония строгого режима
2018	уголовное дело	коллония общего режима
2019	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2020	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2021	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2022	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2023	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2024	уголовное дело	превышение должностных полномочий
2025	уголовное дело	превышение должностных полномочий

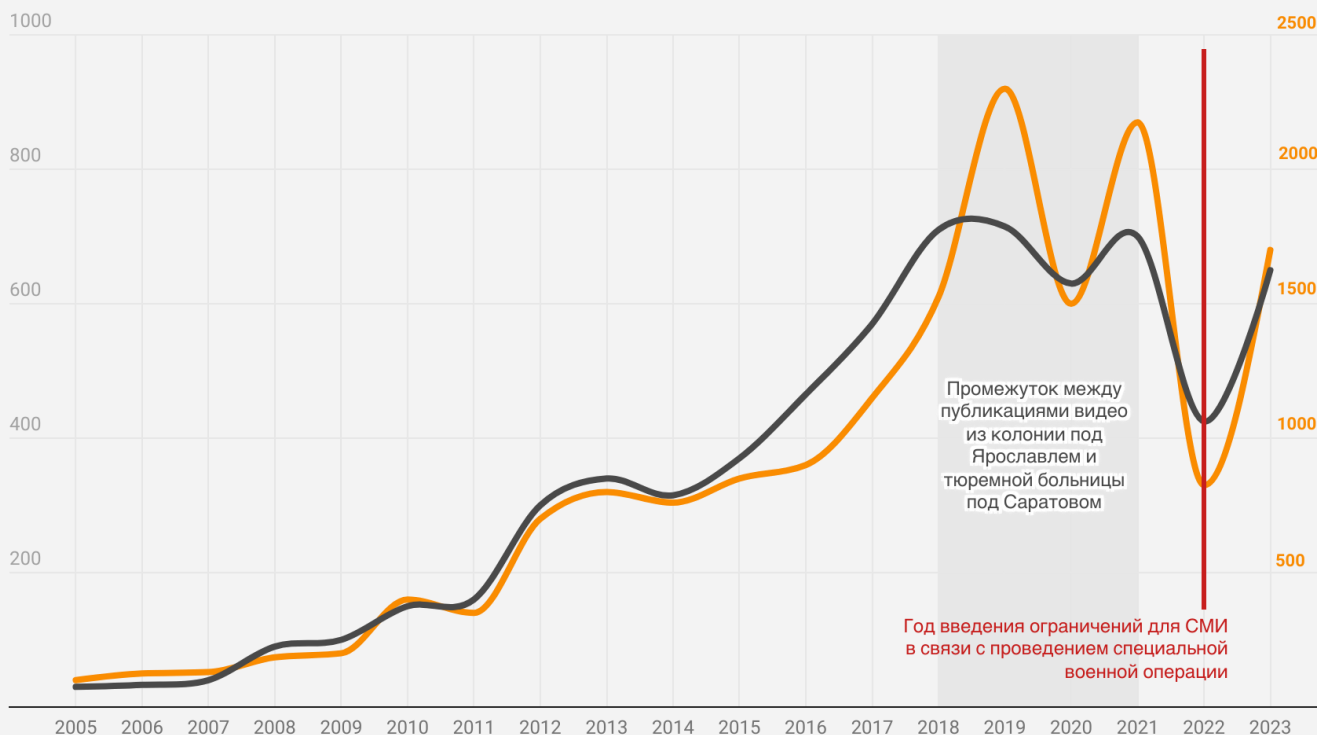
СМИ становится больше, разговоры о насилии — чаще

Смене жанра и акцентов способствует сам медиарынок — за годы активного развития интернета и распространения информационных технологий существенно увеличилось число СМИ и небольших онлайн-платформ, в том числе тех, что специализируются на общественно-политической повестке и проблемах работы правоохранительной системы. Выход в публичное пространство стал проще и для экспертов, колумнистов и тех, кому

есть что сказать о проблеме насилия в России. Быстрота публикации сообщения, способствующая привлечению аудитории и увеличению цитируемости, становится приоритетнее стремления собрать многослойный лонгрид, который неизбежно требует журналистского ресурса и большого погружения в тему.

Как увеличивалось **число медиапроектов**, время от времени или профильно пишущих о государственном насилии и пытках — и **уникальных сообщений** о них

В годы публикации пыточных видео, прогремевших на всю страну, виден пик. После провала 2022 года, связанного с введением ограничений¹² на публикацию информации о специальной военной операции, СМИ постепенно возвращаются к прежним показателям

Вместе с ростом числа медиа происходит и увеличение числа соответствующих публикаций, в том числе о силовом произволе: этому в том числе способствует доступность информации для журналистов — у всех есть прямой или косвенный доступ к лентам информагентств, а источники в НКО и гражданском секторе, как правило, активно работают на передачу информации журналистам о своей работе. Собирать и публиковать материалы и эксклюзивы становится проще.

¹² Речь идёт о **требованиях Роскомнадзора** к СМИ употреблять в публикациях соответствующую государственными источникам терминологию при описании действий российских вооружённых сил, а также о введении ряда составов в административное и уголовное законодательство, наказывающих за распространение ложной информации о них.

Но ещё больше росту числа публикаций способствует характерная для нашего времени невозможность скрыть произвол: как только происходит резонансное пыточное событие, мы фиксируем всплеск интереса к теме насилия. Так, например, в 2006 году в топ-5 самых часто встречающихся слов в материалах, посвящённых пыткам, попала фамилия Алексея Михеева — человека, по делу которого в том году Европейский суд по права человека вынес первое постановление против России о пытках в правоохранительной системе. В 2018 году в топ униграмм, выделенных из журналистских статей, попадает Евгений Макаров — самый медийный пострадавший в деле о пытках в колонии под Ярославлем. Именно в тот год правозащитники и журналисты предали огласке видеодоказательства издевательств над заключёнными.

Значимость «пыточной» терминологии в СМИ растёт в годы публикации скандальных видео

Однако используемость некоторых предметно «насильственных» слов в прессе с годами всё же падает

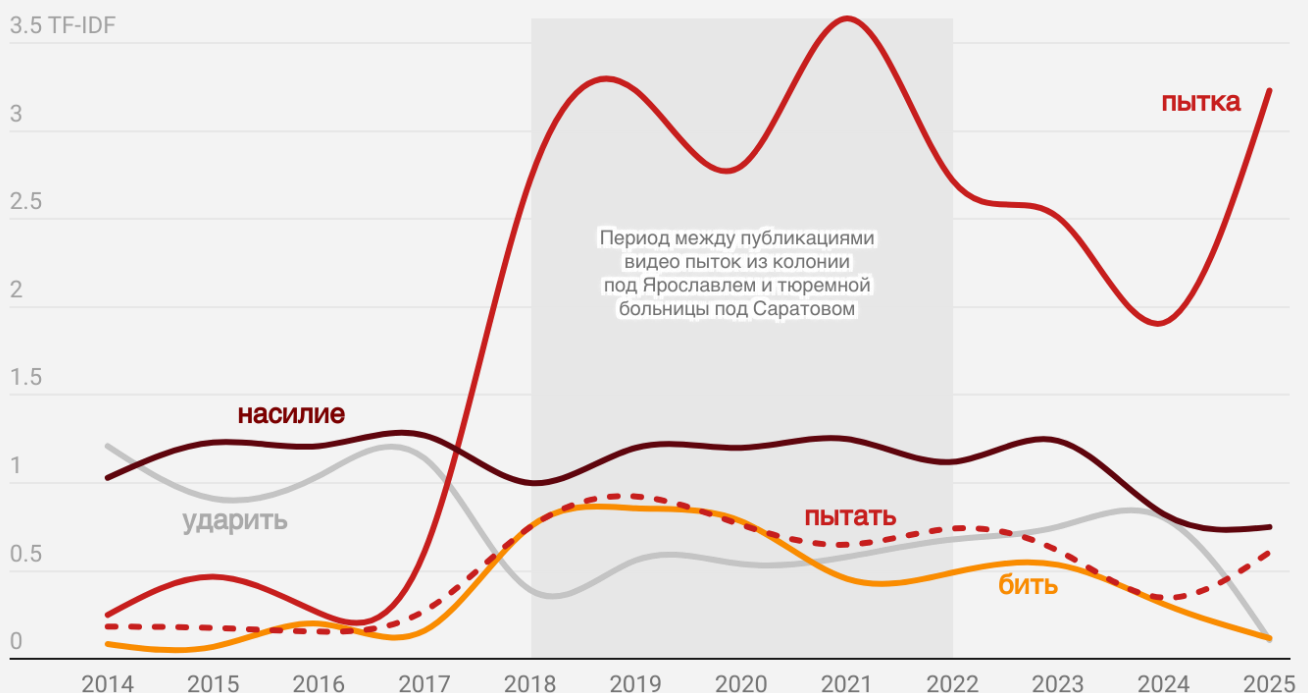

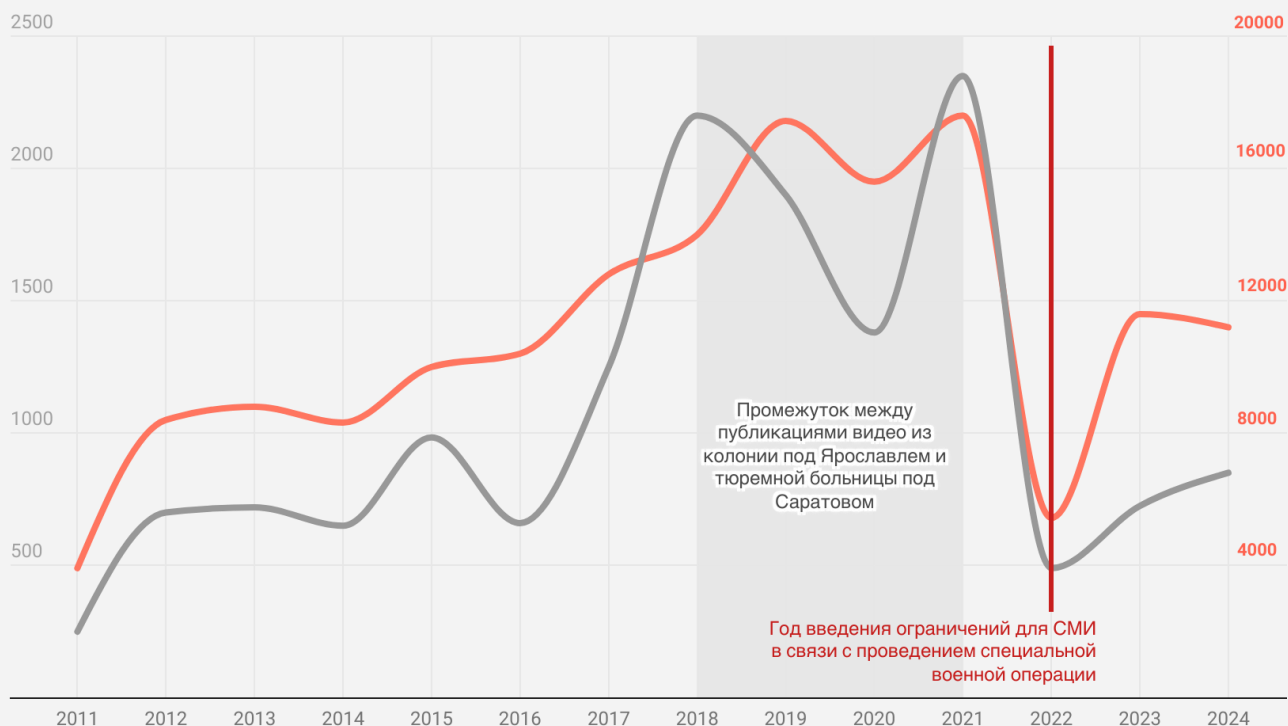
График построен на нормализованном значении TF-IDF за календарный год — чем оно выше, тем выше значимость слова в корпусе проанализированных текстов. Подробнее о методологии его расчёта можно узнать в Приложении 2 к этому исследованию.

Человеческие лица

Другая черта, отличающая журналистский язык от политического и правового, заключается в большей способности говорить о преступниках и пострадавших — а также описывать их через активные действия. Даже в сухих новостных сводках мы существенно реже встречаем обороты, стремящиеся замаскировать пытку другими, более мягкими и менее броскими словами, — здесь уже не назовут изнасилование «посягательством на половую свободу» и не переведут многодневные издевательства как «длительные истязания и нарушение прав» — мы уже практически не встречаем вреда, который «был причинён» кем-то абстрактным.

Люди в таком нарративе вновь оживают: не «к пострадавшему применено насилие», а «полицейский избил заключённого»; не «оценивается как превышение полномочий», а «унизил, оскорбил и ударил». Жертвы и палачи не растворяются в тексте оправом события, а встраиваются в сюжет со всеми его поворотами и деталями. **Медиа возвращают людям субъектность, которую отнимает у них государство.** В том числе поэтому их работа особенно важна.

Об **авторах насилия** СМИ говорят существенно чаще, чем про **переживших** его — это видно из числа публикаций

На один материал, где упоминается человек, переживший опыт государственного насилия, приходится примерно 10 заметок, где упоминается его автор — агент государства. Это также может свидетельствовать о перекосе в пользу информационной журналистики: пресс-релиз о задержании или приговоре выливается в новость быстрее и чаще (и проще), в то время как про пострадавших от насилия журналисты предпочитают писать требующие погружения лонгриды — но на их создание нужно больше времени, и они не привязаны к необходимости быстро поставить материал в ленту и опередить конкурентов по медиарынку.

Однако вне зависимости от того, кто выступает главной фигурой публикации, тенденции по росту и падению числа упоминаний в зависимости от внешних событий и резонанса у таких материалов одинаковы — на примере 2022 года это хорошо видно. При этом серая линия, означающая рост числа публикаций с пострадавшим в центре, особенно сильно выстреливала в годы, когда журналисты писали о пыточных событиях в пенитенциарной системе. Огласка подсвечивает человеческие судьбы и смещает акценты на тех, кто стал жертвой произвола.

Меньше оценок

С годами неизбежно меняется и стилистика текстов о насилии — пассажи и обороты, характерные для печатной прессы в нулевые, сложно себе представить в новости на специализированном портале о судах и полиции в 2025 году, куда люди приходят уже не за лонгридами и подробностями. В текстах стало меньше оценок, красок, ярких литературных средств и иронии, которая сегодняшнему читателю местами будет казаться неуместной.

Пример новостной заметки из региональной прессы 90-х,
в которой автор при пересказе события и известных ему
фактов стилистически добавляет оценку

Вечерняя Казань, выпуск №77 от 8 мая 1999 года

Все мы униженные и оскорбленные

Елена Салина

Пытки в России стали обычным и даже очень распространенным явлением — об этом говорили на заседании «Постоянной палаты по правам человека при президенте РФ». А пытаются и унижают всеми способами наших сограждан в основном в отделениях милиции и изоляторах временного содержания, хотя совсем недавно Государственная дума ратифицировала «Конвенцию

по предупреждению пыток, бесчеловечного отношения и наказания», а 1998 год объявлен Годом защиты прав человека.

Правозащитники насчитали по крайней мере 15 типов пыток, широко практикующихся в милиции. Лидирует в списке, безусловно, элементарное избиение, но фантазия палачей этим не исчерпывается. В списке представлен широкий спектр более изощренных издевательств, а именно:

- изнасилования,
- пытки лишениями (сна, воздуха, возможности отправлять естественные надобности и т.д.),
- принудительные позы,
- применение электроразрядов,
- порезы, проколы, травмы, раны,
- принудительные инъекции,
- подвешивание, бросание, растягивание,
- применение медикаментов в нелечебных целях,
- ожоги,
- погружение в воду («подводная лодка»),
- воздействие на нервы звуками или светом.

Понятно, что оскорбление словами на этом фоне выглядит просто любовными ласками.

Заседание приняло решение разработать федеральную программу по борьбе с пытками, привлечь в милицию и изоляторы для контроля членов общественных организаций, всем задержанным вручать карточки с перечнем их прав, а также установить постоянное дежурство адвокатов в отделениях милиции и изоляторах временного содержания, внести в Уголовный кодекс РФ пытки и другие виды бесчеловечного обращения, чтобы можно было наказывать за них «на всю катушку».

Пример современной новостной заметки — в ней нет никаких маркеров, выражающих оценку события. Региональное отделение федерального издания

Аргументы и Факты Прикамье, публикация от 10 декабря 2024 года
Ударившего полицейского пермяка отправили
в колонию строгого режима
Михаил Боталов

Пермяк, ударивший полицейского, был приговорён к наказанию в колонии строгого режима, сообщает прокуратура Пермского края.

Речь идёт о происшествии, которое случилось в Кировском районе Перми. Местная жительница вызвала полицию в свою квартиру во время конфликта с 44-летним сыном. Когда правоохранители приехали на место происшествия,

мужчина начал вести себя агрессивно и с ними. В один момент пермяк ударил полицейского кулаком по лицу.

После инцидента правоохранительные органы возбудили уголовное дело по статье УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти». Рассмотрев материалы дела, Кировский районный суд признал пермяка виновным.

Мужчине назначили наказание в виде лишения свободы на один год и восемь месяцев в исправительной колонии строгого режима. Сейчас приговор ещё не вступил в законную силу.

Пример репортажа из нулевых. Подробный пересказ деталей и последовательностей с элементами оценки от журналиста.
Федеральное издание

Московский комсомолец, публикация от 13 декабря 2009 года
Девочка для битья. Фотомодели сломали нос в отделении милиции
Екатерина Сажнева

«Мою дочь избили милиционеры. Ей сломали нос. Что нос — сломали жизнь. Дочь — фотомодель, для нее внешность была главное. И все, что милиционеры за это получили, — устное дисциплинарное взыскание», — породистая, стильная, дорогая женщина сидит передо мной.

Мать жертвы Александра Рашель беспомощно требует, чтобы возбудили уголовное дело. С сотрудников ОВД «Тверское», где еще в сентябре произошел этот инцидент, взяты объяснительные. Пострадавшая фотомодель до сих пор находится в клинике.

Александра Рашель. Бывшая жена бывшего адвоката Березовского. Мать фотомодели. Сама пластический хирург.

Александра швыряет на стол бесполезный, нерабочий Vertu — десять тысяч евро псу под хвост. «Он принадлежал моей дочке. Она была с ним в тот вечер в ресторане, откуда ее забрала милиция, сотовый разбили при задержании — и еще на ней были часы за пятьдесят тысяч долларов, про бриллианты и прочие мелочи я молчу...»

В тот вечер 13 сентября Светлана Кирмузова с компанией молодых людей пошла кутить в одно из пафосных заведений на Тверской. Настроение у нее было плохое. Так как накануне приятельница по секрету доложила девушке, что ее молодой человек ей изменяет.

— Дочь с горя перебрала коллекционного виски, — продолжает мать. — Поймите, я несколько не оправдываю Свету. Да, она напилась, а так как обычно пьет мало, то произошло то, что произошло. Ей показалось, что за соседним столиком сидит ее разлучница.

Светлана швырнула в сторону «разлучницы» один хрустальный бокал, второй. Конечно, желание клиента — закон, но когда клиент гробит чужое имущество, в процесс приходится вмешиваться администрации.

Парни из компании Светы возместили ресторану причиненный ущерб — свыше трех тысяч долларов — охранники вывели красавицу на улицу. Девушка вырвалась и разбила стекло входной двери. При этом она порезала себе руку.

Вызвали милицию. Приехала группа немедленного реагирования и «скорая». Фотомодель отловили где-то на Тверской, осмотреть себя врачу она не дала — вцепилась ему в волосы. Милиционеров откровенно послала...

Барышню запихнули в патрульную машину и защелкнули наручники.

«Но при нас ее точно никто не бил», — пояснила администратор ресторана Анна Прядко.

Что же произошло дальше, в патрульной машине, сотрудники фешенебельного ресторана, естественно, не знают.

Я же могу себе это представить. Невменяемая «мажорка» — часы, прикид, телефон. Хозяйка жизни. И за решеткой. На самом дне. Среди классовых врагов. Один на один. Еще и права, наверное, качала.

Света выросла в условиях, не предполагающих знание основного закона выживания, который россияне впитывают с молоком матери, — если тебя задержала милиция, не сопротивляйся, молчи в тряпочку, целей будешь. Что она говорила милиционерам, какими фамилиями им угрожала и в какие места посылала...

— Меня стали избивать, — это уже рассказ самой пострадавшей. — Били жестоко, в печень, по голове, сломали нос. Они измывались надо мной. Я истекала кровью. Хотели упрятать в зверинец, нет, обезьянник это называется... В отделении опять стали избивать и снимать на видеокамеру. Только через несколько часов мне удалось связаться с родными.

Мама примчалась на нескольких машинах с подмогой. Вырвала дочь из ОВД — Светлану отвезли в 59-ю больницу, где освидетельствовали. Затем в Боткинской больнице диагноз подтвердили.

Диагноз: Сотрясение головного мозга. Перелом костей носа. Рана правой кисти. Алкогольное отравление.

Обстоятельства травмы: Избита сотрудниками милиции.

«Надо ждать как минимум год, чтобы пробовать делать пластику, мягкие ткани пока нельзя оперировать, — говорит мать. — В России даже не стоит пытаться, только в Швейцарии, я как специалист вам это говорю — в 17 лет Свете сделали ринопластику в первый раз, мы решили, что это нужно для ее будущей карьеры, а по сделанному нос на место может не встать».

У фотомодели сорвался контракт на несколько сот тысяч долларов.

Светлане Кирмусовой — 28 лет. Через год будет 29, век фотомодели короток. В Европу взяли другую девочку. Света осталась с носом.

«Едва дочь немного пришла в себя, я отправила ее в Эмираты, развеяться — бесполезно, ей там только хуже стало. Не ест, мешки под глазами... Вернулась. Поехали в прокуратуру по Центральному округу, там проводили проверку действий милиции, в конце концов нам отказали в возбуждении уголовного дела. Согласно статье 13 Федерального закона сотрудники милиции вправе применить физическую силу при сопротивлении задерживаемого».

Правда, на днях Нургалиев сказал, что в принципе, если милиция вас бьет, можете дать сдачи — это была устная рекомендация министра, наподобие той, что с коррупцией в рядах МВД надо покончить за 30 дней, так что силы закона рекомендация не имеет.

Лучше и не пытайтесь ей следовать...

«Слабая женщина, в ней весу 57 килограммов — неужели ее нельзя было остановить как-нибудь иначе? Ее же обзывали проституткой, мне кричали в лицо, что им насрать, даже если она тут у них сдохнет», — до сих пор не верит в случившееся мать.

«Инспектор службы группы немедленного реагирования третьего отдельного батальона милиции управления вневедомственной охраны при УВД по ЦАО города Москвы лейтенант милиции В.А.Синатров и старший оперативный дежурный дежурной части штаба ОВД по Тверскому району Москвы майор милиции В.А.Сахаров привлечены к дисциплинарной ответственности».

Светлана Кирмусова до сих пор находится в клинике неврозов. Нос потихоньку заживает.

«Я все равно их посажу, подниму все свои связи, чего бы мне это ни стоило!» — клянется Александра Рашель. У нее хотя бы связи есть. А остальным что делать?

Комментарий заместителя начальника Управления информации и общественных связей ГУВД по г. Москве Жанны ОЖИМИНОЙ:

— Гражданка Кирмусова грубо нарушала общественный порядок: била посуду, оскорбляла работников ресторана и сотрудников милиции при выполнении ими своих должностных обязанностей. По результатам проверки действия сотрудников ГНР УВД по ЦАО г. Москвы при задержании гражданки Кирмусовой признаны правомерными. Прокуратурой по Тверскому району г. Москвы было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях сотрудников милиции состава преступления.

А вот субъективное мнение сотрудников милиции о случившемся, они просили, чтобы мы не называли их фамилии: «С сожалением констатируем, что гражданка Кирмусова вела себя аморальным образом и всю вину за свое поведение возложила на сотрудников милиции, которые добросовестно выполняют свой профессиональный долг в защите общественного порядка».

Пример современного репортажа — анализ событий не содержит оценок и сводится к перечислению фактов. В тексте регионального портала, относящегося к сети сайтов, охватывающей всю страну, — меньше героев и больше формализма

72.ru, публикация от 25 августа 2024 года

**В Тюменской области осудили полицейских, избивших мужчину на улице.
Правоохранителям не понравилось его «наглое поведение»**

Никита Кифорук

Тобольских полицейских осудили за избиение мужчины. Во время проверки документов, они избили тоболяка и залили слезоточивым газом. Тобольский городской суд признал троих сотрудников ППС виновными в превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Экс-силовики пытались обжаловать решение городского суда, но областной суд оставил наказание в силе.

Как указано в решении суда, во время патрулирования города, сотрудники ППС лейтенант Алексей Карастоянов и сержанты Нариман Салманов и Ильшат Охонджалолов наткнулись на троих мужчин и решили проверить у них документы.

Во время разговора выяснилось, что тоболяки гуляли без документов. Тогда полицейские попросили их назвать свои данные, чтобы проверить по базе. Мужчины согласились. Игорь (имя изменено — Прим. ред.) быстро представился, но Карастоянов не успел записать данные в планшет и попросил мужчину повторить еще раз.

В ответ на просьбу Игорь начал кривляться и специально стал отвечать очень медленно, искажая голос. Поведение мужчины разозлило Карастоянова и он ударил тоболяка по голове. На помощь коллеге пришел сержант Охонджалолов и уже полицейские вдвоем начали валить мужчину на землю.

Пытаясь вырваться и остановить драку, Игорь махнул рукой и задел лицо Карастоянова. Тогда полицейский вскочил и начал пинать мужчину, а Охонджалолов брызнул избитому в лицо из газового баллончика. А затем мужчину усадили в полицейский автомобиль и доставили в отдел. Позже пострадавший написал заявление об избиении.

Полицейские с обвинениями не согласились. Они объяснили, что во время патрулирования заметили группу мужчин, подойдя к ним ближе, патрульные обратили внимание, что у мужчин красные глаза и имеются признаки алкогольного опьянения. Поскольку нахождение в нетрезвом виде в общественных местах запрещено, сотрудники решили проверить у горожан документы. Из-за «наглого поведения» Игоря возникла перепалка в ходе которой мужчина якобы ударил лейтенанта Карастоянова по лицу. В ответ на это патрульные применили силу и спецсредства.

Однако в ходе разбирательств было установлено, что на здании магазина, возле которого произошла потасовка, была камера видеонаблюдения. На записи видно, что полицейские сами напали на Игоря и уже во время избиения

мужчина рукой задел лицо сотрудника. Также суд обратил внимание на то, что полицейские не подали рапорт о применении силы и спецсредств.

В итоге суд признал сотрудников полиции виновных в превышении должностных полномочий с применения насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Алексея Карастоянова приговорили к 3,5 года лишения свободы условно, Наримана Салманова — к 3 годам лишения свободы условно. Реальный срок получил лишь Ильшат Охонджалолов, который избил задержанного и брызнул ему в лицо газом. Его приговорили к 3 годам колонии и арестовали в зале суда.

[...]

Материалы 30–20–15-летней давности отличаются по стилю и объёму — новости и репортажи тех лет имеют значительно больше оценок и эмоциональных красок. Сегодня на медиарынке насилия доминируют краткие, сухие информационные сообщения. Это изменение отражает не только трансформацию медиаландшафта, но и более широкие социальные сдвиги: с одной стороны, скорость и объём потребления информации стали важнее экспрессии и свободы, присущей журналистскому языку 90-х годов. С другой, сегодня мало кому, за редким исключением, кажется уместным говорить о проблеме силового насилия через аллегории и иронию.

Какие глаголы используют СМИ для описания пыточных кейсов и их протагонистов

Анализируем «активные» униграммы в динамике и видим, как к 2025 году заметки **из описания действий** и их контекста (например, задержания) переходят в констатацию судебных фактов и использование всё больше правовой терминологии

2005	задержать	арестовать	избить (избивать)	действовать	применять
2010	задержать	убить	застрелить (выстрелить, стрелять)	действовать	возбудить
2015	задержать	ударить (избить)	нанести	приговорить	убить
2020	задержать	признать	осудить	избить (бить, избивать, ударить)	пытать
2025	осудить	приговорить	переквалифицировать	задержать	назначить

Однако даже в этих условиях остаются издания и журналисты, продолжающие работать с сюжетами и героями, рассказывая их истории и не давая замолчать тему насилия — будь оно криминальным, полицейским или домашним. Их материалы — часто публикуемые в небольших независимых СМИ или профильных изданиях — напоминают о том, что рассказывать о насилии по-прежнему можно и нужно, и для этого можно не прибегать к экзальтированной стилистике 90-х и нулевых.

При этом вопрос о том, как правильно нужно говорить с аудиторией о насилии, кажется, остаётся открытым. С одной стороны, сухая новостная журналистика фактов отчасти приводит к нормализации насилия в общественной повестке и деперсонификации жертв — в однотипном пересказе они, так же как и в судебных решениях, теряют индивидуальность. Но с другой, в современном мире погружение в каждую историю насилия может быть неоправданно затратным и приведёт к тому, что для переноса в публичную повестку мы будем отбирать лишь особенные истории насилия — не такие типовые, какие случаются в большинстве случаев. И так мы снова приходим к замалчиванию насилия, если оно не выделяется особенной жестокостью.

Как СМИ и авторы медийного контента решают для себя эту задачу — как выбирают истории и подбирают слова для их трансляции, — рассказываем дальше.

Между новоязом и некроязом

Как журналисты создают повестку

Количественный анализ журналистских текстов был бы неполным без попытки понять логику тех, кто их производит. Чем они руководствуются, когда отбирают инфоповоды? Что важнее — журналистский азарт, общественный интерес или опора на читательскую аудиторию? Почему описаний насилия становится всё меньше, а те, что остаются, — максимально нейтральны?

Наше исследование завершалось блоком глубинных полуструктурированных интервью. С нами согласились поговорить 17 человек, представляющих федеральные и региональные СМИ. Восемь из них работают в изданиях широкого профиля, имеющих полосы самой разной направленности; оставшиеся девять человек пишут для специализированных медиа. Подавляющее большинство последних преимущественно заняты освещением криминальной хроники, работы правоохранительных органов или политической повестки, даже если основная тематика специализированного издания не связана напрямую с насилием.

В пуле наших информантов были редакторы, колумнисты, новостники, специалисты по созданию контента для соцсетей, репортёры и даже продюсеры — мы постарались посмотреть на освещение тем насилия с самых разных сторон. Как профессионалы, видящие проблему изнутри, все они уверены: с течением времени восприятие аудиторией темы силового насилия и способы её подачи заметно изменились. Правда, не все оценивают эти изменения одинаково.

«Устали от контента», или почему меняется отношение к новостям о насилии

Большинство наших собеседников отмечают изменение отношения своей аудитории к публикациям на тему государственного насилия. Об этом говорили представители как специализированных СМИ, так и редакций общего профиля, ориентированные на публику самых разных взглядов. По их ощущениям, у аудитории за последние 10–15 лет выработалась толерантность к текстам о насилии, поскольку они из-за своего обилия и доступности стали обыденностью.

И с годами это отторжение усиливается. Получить эмоциональный отклик от читателя всё сложнее — во многом это и предопределяет то, как журналисты выбирают писать о полицейской жестокости. Это влияет и на то, как СМИ говорят о насилии, и на выбор формата, в котором они это делают, — это отчасти объясняет, почему лонгриды, репортажи и спецпроекты всё чаще уступают место лаконичным новостным сводкам.

Вот как это описывают наши информанты

«Сейчас как будто бы люди настолько **сильно устали от [негативно окрашенного] контента**, он настолько сильно сказывается на их ментальном состоянии [...] Я все чаще слышу: “Я отписался от всех новостных каналов” [...] Люди устраивают себе полнейший [информационный] детокс».

«[У]же замыливается глаз, и, может быть, **меньше читатели обращают внимание на какие-то публикации на тему жестокости** [...] И уже это не вызывает особенно сильных эмоций. “Ну просто ещё один эпизод насилия”».

«Когда в [2021] году обнародовали этот огромный ужасный архив видеозаписей [доказательства пыток из учреждений ФСИН], **это уже закат был, когда люди уже настолько “наелись” этой темы**, что на самом деле какой-то дикой реакции на эти видео даже не было».

«То, что казалось абсолютно шоковым в 2012 году, — менты кого-то избili, сломали руку при задержании — **сейчас оно, в общем, рутина**».

Мы не знаем наверняка, на самом ли деле в российском обществе стало больше насилия, о чём с уверенностью говорили некоторые информанты, или же такое впечатление создаёт тот факт, что о нём стали больше и чаще говорить. **Но мы можем говорить о рутинизации насилия в информационном поле** — на уровне языка, частоты говорения и восприятия этой проблемы. Здесь важно отметить, что наши информанты понимали насилие несколько шире, чем мы: в их представлении речь должна идти не только о силовой жестокости, но и о том фоне, что создаёт специальная военная операция и репрессивная политика государства. Местами они говорят об этом прямо и открыто, но зачастую — имплицитно.

«[М]не сложно оценить, стало ли действительно больше насилия. Но если об этом говорят регулярно, то кажется, что да, этого [стало] много».

«Мне кажется, что уровень интереса к этой теме [пыток и силового произвола] упал после того, как в России начались массовые репрессии, поскольку репрессий, пыток, политзаключённых стало так много, что за ними просто невозможно было следить».

«В целом, конечно, менее ценна становится жизнь, если сравнивать с тем же 2005 годом [...] И люди уже менее удивляются, если там какому-то комику сломали спину недавно при задержании [вероятно, информант говорит про Артемия Останина — в марте 2025 года его адвокат сообщила, что при задержании белорусские силовики сломали ему позвоночник]. То есть это плохо, но уже нет такого, как будто взорвалась какая-то бомба, что все шумят, все об этом пишут, создают петиции».

Снижение интереса к теме насилия наши собеседники склонны связывать с **индифферентностью государства**, которую последнее демонстрирует как на уровне слов, так и на уровне действий. Много лет живя в состоянии околонулевой реакции на произвол, люди перестают надеяться на исправление ситуации и защиту — а следовательно, и реагировать на каждый случай жестокости и несправедливости. Во всём этом растворяется потребность в очередной раз говорить о насилии. **Бессилие и безнадёжность заставляют молчать.**

«Раньше же действительно можно было на что-то повлиять публичностью [...] Сейчас, конечно же, ни одна наша публикация, мне кажется, ни на что не может повлиять».

«Когда нет никакого наказания, люди видят: повозмущались, это ни к чему не привело [...] У всех опускаются руки, пропадает просто интерес».

«Мне не кажется, что сейчас тема пыток может кого-то шокировать, потому что ты с этим ничего сделать не можешь. И люди просто уходят от этих эмоций, куда-то прячутся, не читают».

Однако здесь есть одно важное исключение: мы обратили внимание, что информанты из СМИ, для которых полицейская жестокость не является центральной повесткой, нередко говорят о высоком интересе аудитории и «хорошем эмоциональном отклике» на материалы о государственном насилии. Читатель, в ленте которого пытка будет эпизодической или второстепенной, кликнет по яркому и нетипичному для себя заголовку с большей вероятностью, нежели тот, кто насилием перенасытился и чей

«болевого порог» значительно выше. СМИ, которые читает такая аудитория, забирают в новостную ленту только резонансные случаи произвола, которые вызывают больший эмоциональный отклик.

Всё это говорит о том, что люди живут в разных информационных пузырях и степень их информированности о том, как устроена и чем живёт правоохранительная система, сильно отличается. Не существует никакой абстрактной единой аудитории — **каждая редакция это осознаёт и, в том числе опираясь на это знание, формирует свою повестку.** И нередко последняя будет исключать отторгающие, пугающие новости.

«[3]а последние семь лет **больше стали говорить** о пытках, о насилии. И мне кажется, что у людей это уже не вызывает — ну, опять же, “у людей”, ямогу говорить про какой-то, **наверное, свой “пузырь”** — вот, не вызывает какой-то **оторопи**».

«Вот тут нужно понимать, что **все мы сидим в своём каком-то информационном пузыре**».

Способы и стиль говорения о государственном насилии последние 10–15 лет претерпевают значительные изменения. Мы видели это по корпусу изученных текстов — и тот же вывод подтверждают наши собеседники. Ведущая тенденция в этом процессе — **уменьшение выразительности описаний самого насилия.** Этому способствует сразу несколько факторов, каждый из которых равнозначно важен и не может ранжироваться по степени важности: (1) рутинизация описания насилия, (2) внедрение новой этики, и (3) репрессивная политика государства, вынуждающая СМИ заниматься самоцензурой.

Меняется отношение — меняется и стилистика

Всему виной рутинизация

Лейтмотивом всего этого текста — вне зависимости от того, какой язык мы препарируем, — являются нормализация и рутинизация. Однако на этот раз мы говорим о ней не как о следствии, а как о причине, по которой отмирает практика детализированных и живых описаний жестокости через подбор экзальтированных экспрессивных средств: в них со временем пропадает смысл. Те литературные приёмы, что были актуальны в 90-е и нулевые, чтобы достучаться до читателя и произвести на него сильное эмоциональное впечатление, — даже если они порой граничили с неуместностью — уже не работают.

«Это был такой задор 2010-х годов, когда казалось, что общество не понимает просто серьёзности проблемы с силовыми органами в России [...] И тогда об этом хотелось кричать, бить во все колокола. И, может быть, **мы тогда и злоупотребляли какой-то такой литературной чернухой.** [...] Вроде как бы достаточно теперь просто сообщать факты довольно сдержанно и сухо. Все всё и так понимают. Как-то иллюзий не осталось ни у кого».

«В случаях с сексуализированным насилием, мне кажется, лет 10 назад все бы писали в максимальных подробностях, сейчас **все стараются больше выбирать выражения**».

«В нулевые было больше позиции редакции, **можно было писать более вольно, с эмоциональной подачей.** [Б]ыла такая языковая, скажем так, выразительность в новостях... Сейчас стиль новостей более официальный, более сдержанный».

Вместе с тем усталость от темы насилия испытывают не только читатели, но и сами журналисты, редакторы — следствиями рутинизации для них становятся нежелание искать новые способы транслировать информацию о насилии и отсутствие на это ресурса, нередко случающегося на фоне профессионального выгорания.

В ситуации, когда автор на постоянной основе работает с психологически сложной темой, сталкиваясь с ней ежедневно, еженедельно, используемый им язык описания неизбежно стандартизируется. Это своего рода форма самообороны, и подбор простых слов — одно из самых простых средств. **Невозможно постоянно писать материалы, поддерживая неизменно высокий уровень эмоционального надрыва.**

Нередко такая стандартизация проходит на фоне того, что редакция прямо формулирует осознанный отход от эмоциональности как критерий собственного формата. Выбор языка сухих фактов становится частью персонального выбора журналиста и, как следствие, редакционной политики.

«И понятно, что если они [журналисты] пишут про политику, они уже от пыток и от насилия дистанцируются, потому что **им надо как-то беречь свои ресурсы**».

«[Э]то неписанные правила, но это проговариваемые правила [...] **Мы не смакуем детали, это не нужно.** Ну, может быть, в очень исключительных случаях, но, как правило, мы не детализируем насильственные действия [...] Это самый простой лобовой способ, который вызывает эмоцию. А эмоцией очень легко может быть отторжение».

«[У] нас **моветон — давать какую-то оценку** [...] Эпитеты оценивающие, насколько его избили, я не могу особо употреблять».

«[Р]асписывать все детали я смысла не вижу. **Достаточно написать так, чтобы читателю было понятно, хотя бы в общих чертах, что произошло.** То есть кому там что куда засунули и так далее — наверное, на мой взгляд, это слишком подробно».

Новая этика

Последние несколько лет, по утверждению части информантов, постепенно набирает силу новая тенденция — **бережный подход к эмоциям и чувствам читателя, а также корректное описание людей, стоящих в центре сюжета.** Это в том числе выливается в сокращении детальности описаний насильственных действий, намеренный отказ от создания шок-контента, практика триггер-ворнинга¹³, акцент на терпимость, намеренная тактика не-стигматизации и подчёркнутая корректность. Такое смягчение языка является следствием влияния на СМИ некоммерческого сектора, а основной средой для внедрения подобных бережных практик становятся в основном издания, специализирующиеся на правозащитной тематике. Им уже не так просто написать «инвалид» или «жертва», ведь в центре изложения стоят люди с ограниченными возможностями здоровья и пережившие опыт насилия.

«Ну в целом общая тенденция такая к большему вниманию к чувствительным вопросам, это проявляется как раз в появлении «триггер-ворнингов». [Р]едакторы стали **более внимательно выбирать слова**».

«Резкие изменения, наверное, произошли за последние года три-четыре, может быть, пять, но не больше. И это изменения в том, что мы сейчас называем «независимые медиа». [...] **Здесь надо сказать спасибо огромное правозащитникам и НКО профильным, которые ходили и объясняли,** [...] [что надо] использовать медицинскую или НКОшную терминологию, которая может быть такой, очень выхоленной, [что] не нужно делать идиотские эпитеты...».

«Моё вхождение в профессию получилось через эту призму [некоммерческого сектора]. **И поэтому изначально мне был дан такой язык — не стигматизирующий и достаточно бережный.** И так её [лексику] и использую в речи и в письме».

«И вот этой специальной такой терминологией новояз может делать так, что... **мы своими руками отрезаем аудиторию** [...] Возможно, нам нужно как-то чуть лучше подбирать слова, чтобы разговаривать с людьми о проблемах, которые нас волнуют».

¹³ От англ. «trigger warning» — сообщение, которое предшествует демонстрации контента, способного травмировать аудиторию и вызвать непрогнозируемые реакции.

Однако подобная нишевость новояза, как его назвал один из наших собеседников, таит в себе сразу две опасности: новый речевой подход может оттолкнуть аудиторию, которой этот язык не близок и не понятен, а сам этот язык, используемый для описания насилия, снова эвфемизируется и перестаёт быть точным.

Цензура и самоцензура

Немаловажным фактором, влияющим на количество, качество и стиль текстов о насилии, является ужесточение репрессивной политики государства, которая вынуждает СМИ заниматься самоцензурой. В условиях введения новых законодательных ограничений на содержание и форму контента, редакторы и журналисты (первые — в большей степени) вынуждены проявлять большую осторожность, чтобы избежать претензий надзирающих органов.

В частности, российский закон содержит запреты и ограничения на формулировки, касающиеся наркопотребления, отдельных действий и решений государства, сферы сексуальности, способов причинения вреда собственному здоровью и пр., а также на контент, от которого нужно ограждать детей. Вместе с тем нужно держать руку на пульсе и помнить по огромное количество субъектов, при упоминании которых нужно ставить пометки об иноагентстве, нежелательности, включении в списки террористов и экстремистов — противное грозит изданию правовой ответственностью, блокировкой или лишением лицензии.

Слежение за всеми новеллами законодательства и обновлениями реестров отнимает у авторов и редакторов огромный ресурс. Некоторые СМИ особенно ответственно подходят к деперсонализации лиц, замешанных в кейсах о насилии, — ведь всегда можно получить иск о клевете в случае, если виновность названного в тексте лица не была установлена судом. В этом отношении редакции, которые продолжают работать в российской юрисдикции и принимают решение следовать всем правилам, **не могут чувствовать себя свободно и вынуждены создавать своим материалам дополнительные фильтры.**

При этом далеко не все информанты прямо говорили о проблеме самоцензурирования в своих изданиях. Однако косвенным свидетельством её наличия является всё чаще используемая практика цитирования: факты и события нередко приводятся со слов фигурантов дел, заключаются в кавычки или содержат отсылки к другим источникам и документам. Таким образом редакция как будто перекладывает рассказ в уста других людей — ровно так же, как суды при описании жестокости цитируют свидетельские показания вместо изложения собственных суждений. Новости о насилии, рождающиеся

на особо опасном минном поле, подрываются первыми: порой журналисту проще и безопасней от неё отказаться.

«То есть они [редакторы] со всех сторон сейчас перестраховываются. Но мы находимся, действительно, сейчас в России, поэтому, наверное, с этим связано...».

«[У] журналистов включается какой-то внутренний критик, внутренний редактор, цензор... ты уже [работаешь] с оглядкой на ограничения или истории ограничений [...] И ты уже думаешь, насколько это не навредит твоей дальнейшей работе? [...] Ты для себя сам можешь находить причины, чтобы где-то смягчить или ещё что-то».

«Многие издания боятся, что за какую-то точную формулировку им **прилетит какой-нибудь "подарок" от Роскомнадзора** в виде штрафа или ещё чего-то такого».

«[Я] старалась их цитировать, **чтобы мне самой не приходилось подбирать слова**... мне казалось, что я не подберу слов лучше, чем уже подобрали те, кто видел это... Но и дополнительно было аргументом то, что это не я тут пишу как журналистка, а это люди сказали, мы их цитируем...».

Конечно, цитирование выполняет разные функции и само по себе автоматически не означает наличие самоцензуры. Возможно, издание позиционирует себя как транслятор фактов, а не мнений журналистов. Выбор цитирования может быть обусловлен художественными задачами и обеспечивает точность передачи информации. Но в том контексте, на котором мы хотим сделать особый акцент, цитирование используется как страховка от претензий за содержание публикаций, а отсутствие возможности дать прямую речь — как повод не брать в ленту новость, потенциально способную принести неприятность.

В переводе с юридического на человеческий

Уменьшение выразительности и детализации описаний государственного насилия не означает полный отказ от них. В борьбе за интерес аудитории — неважно, в погоне ли за рейтингами и количеством просмотров или же во исполнение собственной миссии — СМИ вынуждены, насколько позволяют внешние и внутренние ограничения, добавлять в материалы подробности дел и искать интересные углы подачи информации. И одним из главных вызовов для журналистов и редакторов становится нахождение баланса между художественными средствами и имеющимися ограничениями.

«Один из основных лайфхаков, как заинтересовать человека, — **это вызвать у него какую-то эмоциональную реакцию**: на заголовок, на ситуацию, на всё остальное. [Ч]тобы чем-то заинтересовать наших пользователей, [...] нужно что-то нетипичное им показать».

«[Редакторы цитату] просто сокращают, а вот эту часть пересказывают, например, своими словами зачем-то. Чтобы помягче, не так противно это читать чтобы было. Зачем они это делают? Наверное, из опасений. А я это прописываю. **Я хочу, чтобы у людей были эмоции, чтобы они понимали, что человек пережил**».

«Я всегда буду стараться описывать [насилие] **человеческим языком**. Кому-то это будет, конечно, не очень приятно, но это вообще не тот мотив, который может меня как-то в этом остановить».

«Мне кажется, у нас не стоит задача натуралистично описывать. **Хочется соблюсти какой-то баланс**. И я не сторонник того, чтобы просто одним словом описать, типа “пытали”. Всегда хочется каких-то деталей, это нормально, и текст лучше становится, когда есть какие-то детали».

На фоне постоянно меняющихся способов говорения о насилии сильнее бросается в глаза заостренность языкового стиля государственных структур. И именно этот контраст позволяет многим авторам не терять хватку — чем выше степень официозности языка госорганов, чьи пресс-релизы, по мнению журналистов, стали более выхолощенными, чем когда-либо, тем больше усилий и находчивости требуется от того, кто пересказывает их слова. И на контрасте с бюрократическим описанием всё более очевидной становится потребность называть вещи своими именами — и подбирать под описания правильные слова, чтобы не потакать намерению государства скрывать самые ужасающие смыслы за пустыми, обтекаемыми формулировками.

«[В]сю эту информацию [об уголовных делах] мы чаще всего получаем из релизов ФСБ либо из пресс-релизов суда. Они же даже написаны одним и тем же языком, **в одних и тех же формулировках**».

«[Решения судов] часто написаны канцелярским казённым языком. И вот это совершенно точно **важно переписывать в какой-то более разговорный вид**. [П]росто чтобы читатель мог продраться сквозь вот это всё юридическое и сложное».

«Ну и ещё большая проблема — это вот этот вот некроз, этот государственный язык, **который говорит непонятными терминами, размывает смыслы**. [...] К сожалению, приходится людей [журналистов] переучивать с этого языка, потому что они ему очень сильно поддаются».

Как редакции отбирают инфоповоды

В ситуации, когда рассказ о силовом насилии стал обыденной рутинной, на первый план выходит задача отбора кейсов для публикации. Когда насилия становится слишком много, писать об однообразных сюжетах становится бессмысленно — журналисты устают, а аудитория пресыщается. В интервью наши информанты рассказали, какие универсальные и специфические критерии отбора тем помогают изданиям создавать им своё индивидуальное сито и формировать повестку.

И на первое место в этом списке выходит **резонанс**, пробуждающий интерес и политиков, и обывателей. Громкие события — такие как несколько раз упомянутые «Ярославское дело» или обнародованный видеоархив с пытками в системе ФСИН — попадут на страницы и узкопрофильных изданий, и широкоформатных СМИ. Такие происшествия сродни скандалу, пропустить который попросту невозможно. Об этом говорили почти все наши собеседники.

Также — вне зависимости от специализации — практически все общественно-политические СМИ **предъявляют высокие требования к источникам информации и возможности их верификации**. С одной стороны, постановка под сомнение — это один из стандартов и методов профессиональной журналистики. С другой — ценность проверенной информации кратно возрастает в ситуации, когда репрессивная политика государства ежедневно подкладывает новые правовые мины на поле ограничений для СМИ. Отчасти именно поэтому для некоторых СМИ достоверность материала, источником которого являются госорганы, оценивается значительно выше — а материалы, поступающие из независимых источников, наоборот, застревают на стадии подтверждения или опровержения.

«[Основные критерии отбора инфоповодов:] общественная значимость, верифицируемость. Должно быть что-то, кроме слов».

«[П]ервым делом мы проверяли документы, какие есть [у источника]. [...] Если даже документов нет, то какие-то свидетели есть [...] Критерий один: что это правда, **мы должны быть уверены**».

«[Е]сли, например, ФСИН инициировал какую-то проверку по фактам повторяющихся пыток или каких-то массовых историй [— то это достаточное основание для публикации]. [И если] есть проверка, уголовное дело, то да, это **условия для того, чтобы новость вышла**».

Наконец, ещё одним общим для всех редакций критерием является **эксклюзивность контента**: если инфоповод уникален и есть возможность написать первыми о том, о чём

никто ещё не знает, то и для узкопрофильных изданий, и для СМИ, которые о силовом насилии пишут эпизодически, это является очень большим стимулом выйти первыми с эксклюзивом. Только для первых это будет конкурентным преимуществом в борьбе за внимание читателя, а для вторых — способом разбавить свою обычную информационную повестку. Именно поэтому СМИ так ценят пул своих источников — для них это способ опередить конкурентов по медиарынку в борьбе за аудиторию и цитируемость.

«[Е]сли история впервые появляется в публичном поле, то это новость, скорее всего, [выйдет у нас в СМИ] со стопроцентной вероятностью».

Средства массовой информации, для которых тема силового насилия является приоритетной или одной из основных, чтобы не потеряться в море инфоповодов, вынуждены создавать дополнительные фильтры поверх тех, что мы описали выше. При прочих равных выбор журналистов падёт на историю, изобилующую различными **подробностями**, которые помогут сделать яркий интересный материал. Плюс будет также наличие большого объёма подробностей, снабжённых доказательствами, — документами, свидетелями, позволяющими подтвердить обстоятельства дела, — всё это вкуче облегчает журналистам поиск интересного ракурса, с которого можно подать историю.

«[Г]олучаешь в какой-то момент доступ к какой-то детализированной истории, и ты её можешь [принести редактору] и заявить, что у меня есть такая-то тема с такой-то завязкой, с такой-то развязкой».

«Но мы пытаемся брать либо какие-то случаи, которые мало описаны, либо случаи, которые не рутинные, **или найти новый угол** [подачи материала]».

«Когда я приходила с какой-то пыточной темой, мне говорили: “Давай посмотрим на глобальность этой истории”. То есть [редакцию интересует не очередной типовой сюжет, а то] насколько какую-то частную историю мы можем через экспертов **подать как некий тренд**».

Немаловажным является и правило **«чем хуже последствия силового насилия — тем выше медийный потенциал»**. Отчасти такие сюжеты вписываются в критерий резонансности и необычности, но в данном случае речь идёт скорее о том, что жуткое последствие пытки позволяет отделять «простые побои в полиции» от действительно вопиющего кейса, который, по мнению медиапрофессионалов, достоин огласки и будет взят редакцией в работу.

В результате ранжирования степени насилия целый пласт кейсов логичным образом выпадает из фокуса внимания журналистов — а значит, и широкой аудитории — по признаку «малозначительности», и для правозащитников это является большой проблемой, ведь

мыгодами боремся за то, чтобы любое проявление насилия встречало одинаковое порицание. Легко осуждать убийство, но сложнее понять, что к убийству привела прежняя вседозволенность и безнаказанность за, казалось бы, незначительные посягательства. Выбирать из списка пострадавших тех, кому досталось больше, — прямой путь к сегрегации по критерию страданий.

С другой стороны, такой подход — прямое следствие рутинизации насилия в инфополе, которое в том числе отражает мнение аудитории СМИ. Постоянное поддержание высокого градуса жестокости и тиражирование силового насилия в медийном дискурсе приводит к повышению толерантности к насилию как таковому. Если выбор преимущественно делается в пользу публикации кейсов о смертях и сломанных конечностях, то жаловаться на разбитый на допросе нос становится как будто бы уже немного неловко. При этом стоит сказать, что сама по себе малозначительность последствий не является безусловным «стопом» для создания материала, просто в этом случае задействуются другие фильтры, позволяющие взять кейс в работу, и прилагаются совершенно другие усилия для разработки темы.

«Безусловно, **чем тяжелее история, тем больше вероятность, что мы её возьмём**».

«[Ч]ем жутче, чем хуже [последствия], **тем лучше читают**».

Немаловажен ещё и такой отсеивающий фактор, как **ориентация на свою аудиторию**. Диапазон его действия очень широк и по-разному работает для различных редакций и журналистов. Например, одни СМИ «зашивают» интерес читателей в свою редакционную политику и пишут материалы с прогнозом на их будущую реакцию. И тогда каждая новая новость будет публиковаться после ответа на вопрос о том, что же скажет преданный читатель и попадёт ли публикация в его настроение.

Другие же, напротив, определяют свою работу как некую миссию, ради реализации которой мнением аудитории можно пренебречь, — и тогда в ленту будут попадать истории, которые могут быть проигнорированы или даже вызвать отторжение. Последняя позиция чаще свойственна узкопрофильным изданиям со специфической лояльной аудиторией, которая, по сути, и складывается потому, что разделяет взгляды и ценности редакции.

«[Название издания] стали прямо стратегически ориентироваться на показатели [просмотров]... И поэтому там **прямо сформулировали по воле руководства, что политзаключённые, пытки — это непопулярная тема**. Про это мы пишем, только если что-то совсем очень громкое».

«Вот [название издания] вообще никогда [при выборе тем] почему-то **не думали о читателях** — что читателям будет интересно, а что нет».

«Если это общественно значимая тема, и она ложится в нашу тематику, наши подходы и так далее, то мы про это напишем, **даже понимая, что у этого материала небольшой потенциал прочтения**».

«[Мы много] лет осуждали пытки и говорили про то, что нельзя пытать людей. И мы продолжим про это говорить, потому что **я думаю, что это про миссию скорее**».

В этом контексте дополнительным индикатором того, насколько трепетно СМИ относятся к восприятию читателем их контента, **является (не) учёт личности протагониста пыточной истории**. Как правило, издания, воспринимающие разговор с читателем о силовом насилии как свою миссию, гораздо менее критично смотрят на личность пострадавшего. Им неважно, избили ли агрессивного человека, обматерившего полицейского, мигранта или любого другого представителя стигматизированной группы, или же интеллигента или белого воротничка с высшим образованием. А вот те, кто ориентируются на мнение аудитории, будут отсеивать потенциальные инфоповоды в том числе и с учётом того, кто столкнулся с опытом силового насилия.

«Вот две истории есть одинаковые, например. Но в одном случае это будет бьющий подросток, а в другом случае 45-летний семейный человек, который гулял с беременной женой... **Как будто бы у читателей потенциальных [...] больше эмпатии, эмоционального сочувствия вызовет второй персонаж...**».

При этом не стоит считать, что медиаповесткой целиком и полностью управляют фильтры, прогнозы и решения редакции, которые мы описали выше. **У неприметных и типовых историй есть шанс на огласку в случае, если её находит автор со своим видением и пониманием проблемы**. Журналисты, как правило, чувствуют себя более свободными в плане необходимости ориентироваться на мнение читателя или возможности его игнорировать, нежели, например, редакторы или люди, ответственные за выбор тем. Нередко наши информанты, чья работа — писать, говорили о том, что ориентируются **на личные предпочтения** относительно того, чем именно они считают нужным поделиться с аудиторией.

«Я просто ориентировалась на какую-то насмотренность, **на внутренние критерии**, насколько это интересно или необычно».

«Для меня главный критерий — чтобы это казалось важным и нужным для меня [...] Я могу себе позволить не думать о том, будет это читаться или нет. Я думаю только о том, что об этом надо написать, что эта история должна стать гласной».

В этом заключается некоторая свобода воли — и даже если редакция как продюсер отклоняет тему, у журналиста как у художника есть возможность «отдать» материал для сторонней публикации. Возможно, подобные авторские «вольности» в выборе тем, кейсов и ракурсов подачи в определённой степени являются компенсаторным механизмом, помогающим сгладить ригидность редакции. В какой-то степени они призваны и нивелировать нейтральность авторского почерка непосредственно в тексте, вызванную изменением стилистики говорения о силовом насилии и усилением самоцензуры, о которых мы говорили ранее.

Вместо заключения

Когда мы начинали это исследование, в его конце, получив ответы на свои вопросы, мы надеялись не столько найти правильные слова для описания насилия, сколько понять, почему нам как обществу их так сложно нащупать.

В российском общественном пространстве всё ещё отсутствует единый, общепринятый, этически ясный и эмоционально честный язык для описания насилия, особенно если его автор — государство. Формулировки и модусы расходятся в зависимости от того, кто и где говорит о нём. Мы по-прежнему лавируем между неумением входить в разговор о жестокости и силовом произволе и вынужденным выбором одного из регистров, каждый из которых кажется слишком усечённым для реальной трансляции проблемы пыток. Будь то сухие формулировки судебных решений, осторожные политические эвфемизмы, граничащие с тишиной, или истории о насилии, рассказанные теми, кто постоянно находится в поиске нужной интонации, — кажется, ни одного из этих языков недостаточно, чтобы ощутить живую человеческую боль, которую мы пытаемся сделать видимой.

Однако отсутствие единого словаря не означает пустоту. Судебный, политический и журналистский языки насилия не существуют в изоляции друг от друга. Юридические формулировки оказываются сырьём для репортажей; медийные резонансы вынуждают чиновников искать новые эвфемизмы; политические заявления медленно просачиваются в приговоры и экспертизы. Эти три потока речи переплетаются, расходятся, но всегда питают друг друга смыслами. И где-то на их пересечении должен находиться тот самый язык, из которого мы можем создать приемлемые формы разговора о насилии.

Этот язык одновременно поможет обозначить реальный масштаб проблемы пыток — и поможет её решить. У этого поиска есть не только ценностная, но ещё и весьма прикладная цель: пока мы не научимся говорить хотя бы о простом, самом понятном физическом насилии прямо, открыто, без пошлости или стыда, мы не сможем перейти к обсуждению того, что пытка на самом деле не ограничивается одними лишь ударами. За этим словом стоят ещё и унижения, психологические и эмоциональные издевательства, давления и угрозы — весь возможный арсенал, находящийся в распоряжении у заведомо более сильного государства и не оставляющий после себя телесных травм и видимых

следов. Но пока хотя бы телесное насилие не лишится языковых оков, мы не перейдём на следующий уровень понимания, на котором можно будет свободно и без стеснения говорить о нефизической боли — боли, пока ещё стигматизированной в нашем обществе.

В языке о насилии всегда три актора — пытатель, пострадавший от его рук и тот, кто их историю рассказывает. Некоторые способы говорить о насилии, которые нам сегодня известны, напрочь лишают лица двух первых, но пока у рассказчика нет свободы и пространства для описания, его тоже нельзя назвать полностью субъектным. Если мы не владеем ясным языком описания боли, мы молчим и бездействуем. А если мы молчим, мы остаёмся без защиты.

Все три языка пыток, которыми мы можем оперировать сегодня, так или иначе воспроизводят один и тот же эффект — нормализацию. Юридические тексты повторяют стандартизированные обороты так часто, что само слово «пытка» теряет вес. Политические заявления оборачиваются пустыми обещаниями «разобраться». Журналистские ленты со временем научились обращать жестокость в новость, рождённую из пресс-релиза. Так чей-то травматический опыт исчезает под осадком рутинного потребления: насилие на уровне языка становится настолько привычным, что мы перестаём его замечать. С одной стороны, нормализация порождает апатию, приглушает возмущение и подталкивает к молчаливому бездействию. С другой — без определённой степени «нормальности» разговор вообще невозможен: если каждое упоминание пытки позиционировать как катастрофу, разговор о ней никогда не станет приоритетным.

Нам критически недостаёт прямолинейности. Эвфемизмы как бы спасают лицо говорящего, но лишают лица пострадавшего и того, кто виноват в насилии над ним. Когда чиновник произносит «превышение полномочий» вместо «издевательство», а прокурор пишет «причинение физических и психических страданий» там, где уместно «били, душили, насиловали», он не только смягчает звучание. Он снижает нравственную температуру текста, создаёт иллюзию управляемого процесса и тем самым стирает индивидуальности. Мы нуждаемся в честной, почти анатомической речи, чтобы вновь почувствовать нетерпимость к жестокости.

И в наших силах создать толчок для формирования столь нужного нам всем языка.

Приложение 1

Культура против пыток

Многим из тех, кто когда-либо пытался говорить о пытках и государственном насилии со своим окружением, знакома реакция непонимания, отрицания или неверия. Не все готовы высказываться на эти темы — и не только потому, что не хватает нужного словаря, просто в голове и памяти может не хватать опыта столкновения с насилием, пусть хотя бы на уровне наблюдений. Такой барьер зачастую пресекает коммуникацию, а значит, провоцирует молчание. То молчание, с которым мы и стремимся бороться.

Мы постоянно стараемся искать способы, чтобы делать разговор о насилии возможным, чтобы его масштабы и заразность стали понятными тем, кто с ним не сталкивался — или сталкивался, но не смог распознать. Проще всего это сделать через апелляцию к чувствам, эмоциям, ассоциациям. Разговор о насилии не обязательно должен начинаться прямолинейно — да и не со всеми собеседниками такая тактика будет работать. Один из инструментов преодоления молчаливого препятствия — поиск нужных для разговора аналогий там, где они возможны.

Так мы обращаемся к культуре. В этом приложении мы постарались собрать для вас самые разные культурные произведения, объекты и памятные места, знакомство с которыми способно привести нас к мысли о неприемлемости насилия и пыток и о необходимости как можно громче говорить о том, что такая проблема существует. Они принадлежат разным жанрам и эпохам, рассказывают про разные формы произвола — от репрессий до стигматизации инаковых — и нацелены на совершенно разные аудитории. Разумеется, этот список не исчерпывающий, но для кого-то он может оказаться крайне нужным и важным, чтобы как раз получить тот самый чувственный опыт.

В перечне ниже есть и прямые описания, порой без прикрас жестокие, и побочные зарисовки, затрагивающие государственный произвол лишь по касательной, и сюжеты, разглядеть особый посыл в которых можно лишь через метафорическое мышление, — но все они так или иначе позволяют задуматься о том, как опасны и к чему приводят всевластие и насилие, автором которых становится государство в лице его представителей и даже целых институтов.

Искусство помогает нам становиться ближе и лучше понимать друг друга. Оно снижает стигмы и подталкивает нас самих к действию, заставляя рассмотреть очевидное под неочевидным углом. Оно даёт опору и исцеляет. Сохраните этот список себе, поделитесь им с теми, с кем вам важно поговорить о силовом произволе, будь то те, кто разделяет ваши убеждения, или же те, кого подобные диалоги отталкивают.

Литература

 Анатомия распада. Как и почему права человека перестали быть ценностью в современной России — Команда против пыток, 2024

Научно-популярное исследование / Социология правоприменения

Книга, в центре которой находятся реальные случаи государственного насилия над простыми людьми, рассказывает историю современной России и её безразличия к правам человека в разрезе поступательного хронологического анализа права, социологии и политики. Написана простым языком, содержит понятную инфографику и дополнена сюжетными иллюстрациями, в которых рассказывается своя история борьбы человека с системой.

 Смертная казнь. История и виды высшей меры наказания. От начала времён до наших дней — Мартен Монестье, 1994

Энциклопедия / Научно-популярное исследование / Социальная антропология / Всемирная история

Перечисление всех видов варварств, которыми государство умерщвляло людей всю историю своего существования, — всё в одной книге как свидетельство хрупкости человеческой жизни перед лицом машины. Книга сопровождается большим количеством иллюстраций и фото, что делает её более пронзительной, наглядной и впечатляющей. Работа акцентируется не столько на философско-этическом аспекте казни, сколько на практике её применения.

 Мы — Евгений Замятин, 1924

Художественная литература / Роман-антиутопия

Антиутопия, в которой изображено общество будущего, где индивидуальность полностью подавлена тоталитарным режимом, а все аспекты жизни строго регламентированы. Главный герой, инженер Д-503, сталкивается с внутренним кризисом, когда рациональный мир уступает место запретным эмоциям и жажде свободы, что приводит его к опасным размышлениям о сущности человеческого бытия.

 Архипелаг ГУЛАГ — Александр Солженицын, 1973

Художественное произведение, в основе которого лежит попытка провести социо-историческое исследование

Одно из самых важных и тяжёлых произведений XX века. Книга основана на свидетельствах сотен узников и раскрывает масштабы государственного террора в СССР, показывая, как миллионы людей становились жертвами произвола, доносов, пыток и бессудных расстрелов. Солженицын восстанавливает голоса тех, кого пытались стереть из истории, — от крестьян до учёных, от солдат до священников — и исследует, как тоталитарная система превращает обычных людей в палачей или покорных исполнителей.

Железная пята — Джек Лондон, 1908

Художественная литература / Роман-антиутопия

Произведение о классовой борьбе, государственном насилии и о том, как развивается фашизм, когда правящая элита подавляет демократические и социалистические восстания. Одно из наиболее радикальных, политически заострённых произведений всей американской литературы конца XIX — начала XX века. Этот роман можно расценивать как предупреждение: насилие — не случайность, а инструмент власти для сохранения неравенства; любая диктатура начинается с молчаливого согласия тех, кто предпочитает её не замечать.

Процесс — Франц Кафка, 1925

Художественная литература / Философский роман-антиутопия

Роман в гротескной форме отражает абсурдность бюрократической системы, в которой простой человек, лишённый информации и не имеющий представления о том, как устроены государственные механизмы, оказывается бесправным перед лицом непостижимых обвинений и бессмысленных процедур. Эта книга помогает ощутить чувство тревоги и бессилия, когда система подавляет личность, а правда остаётся недостижимой — что делает её актуальной во все времена, особенно в эпоху сложных социальных и политических структур.

Убить пересмешника — Харпер Ли, 1960

Художественная литература / Роман

Произведение является воплощением борьбы за права чернокожих, многие столетия угнетаемых по всему земному шару. Роман раскрывает вечные темы справедливости, расовой дискриминации, моральной стойкости и взросления. Глазами ребёнка, скаута Финча, читатель видит, как предрассудки и несправедливость калечат жизни, а честность и человечность — даже в проигрышной ситуации — остаются главными ценностями. Книга заставляет задуматься о том, что значит быть по-настоящему порядочным человеком и почему так важно бороться за правду, даже когда весь мир против тебя.

Колымские рассказы — Варлам Шаламов, 1966–1978

Художественная литература, основанная на документальных свидетельствах

Цикл из шести сборников коротких рассказов о жизни в колымских лагерях, написанных бывшим заключённым, проведшим в ГУЛАГе 17 лет. Шаламов предельно сурово и документально описывает голод, холод, нечеловеческий труд и моральную деградацию, оставляя читателя один на один с мыслью о ценности жизни. Ценно прочесть, чтобы ощутить «колымскую правду» — предельную точку человеческих страданий и стойкости духа.

■ **Один день Ивана Денисовича (Щ-854. Один день одного зэка) —**
Александр Солженицын, 1962

Художественная литература / Рассказ

Повесть о типичном дне узника сталинского лагеря, опубликованная благодаря хрущёвской оттепели. Главный герой, Иван Шухов, выживает, цепляясь за человеческое достоинство в нечеловеческих условиях. Произведение стало первым открытым свидетельством о ГУЛАГе внутри СССР и заставило и советских граждан, и весь мир взглянуть правде в глаза. Важно знать это произведение как урок мужества и напоминание о миллионах «невидимых» жертв репрессий.

■ **Гарри Поттер и Дары Смерти —** Джоан Роулинг, 2007

Художественная литература / Драматический роман в жанре фэнтези

Последняя книга саги о Гарри Поттере, показывающая диктатуру Волан-де-Морта в магической Британии и её последующее свержение. В ней показаны многие атрибуты настоящих диктатур: борьба с «внутренними врагами», маргинализация несогласных, атмосфера тоталитарного государства. Присутствуют угроза бесчеловечной казни (поцелуй дементора) и сцены пыток заклятием Круциатус. Это произведение можно рассматривать как метафору — или даже аллюзию — на многие процессы, сегодня происходящие в мире.

■ **Двести третий день зимы —** Ольга Птицева, 2023

Художественная литература / Роман-антиутопия

Произведение описывает альтернативную Россию, в которой установился тоталитарный режим с вечной зимой и запретом тепла и весны. Дано детальное описание практик государственного давления и насилия и жизни в тоталитарном режиме, приближенное к реальным условиям, — от выдачи продуктовых карточек до устранения несогласных.

■ **День опричника —** Владимир Сорокин, 2006

Художественная литература / Антиутопическая повесть / Сатира

Сюжет разворачивается в 2028 году. Художественная и философская ценность повести заключается в том, что она гротескно, но пугающе узнаваемо отражает так хорошо знакомые нам механизмы авторитарной власти — от всевластия силовых институтов до обращения к устаревшим практикам управления. По сюжету, в России возрождается опричнина как инструмент тотального контроля, а государство построено на лжи, насилии и абсурдной «традиционности».

Ночь в Тлателолько — Елена Понятовска, 1971

Документалистика / Журналистская хроника

Сборник интервью с людьми, пережившими расстрел студенческой демонстрации в Мехико в 1968 году, и родственниками тех, кто погиб. Книга сохраняет память о государственном насилии, показывая, как власти скрывали правду, а обычные граждане сталкивались с произволом армии и полиции. Понятовска фиксирует факты, и тем самым вскрывает систему лжи и подавления, делая «Ночь в Тлателолько» не только историческим документом, но и предостережением против безнаказанности власти.

Апофеоз Милицанера — Дмитрий Пригов, 1978

Сатирическая поэзия

В этом произведении автор через абсурд и языковую игру исследует мифологизацию власти и её силовых структур, он превращает образ милиционера в символ системы, где бюрократия, насилие и абсурд сливаются в единый ритуал. Текст, наполненный повторами, канцеляризмами и псевдопафосом, разоблачает механизмы создания «культы порядка», заставляя задуматься о том, как язык и искусство обслуживают власть, а обыденное насилие маскируется под героику. Это не просто пародия, а философская деконструкция советского мифа, актуальная и для современных авторитарных практик.

Гроздь гнева — Джон Стейнбек, 1939

Художественная литература / Роман в стиле реализма

Произведение о том, как государственная политика и институциональное пренебрежение приводят к страданиям рабочих-мигрантов во время Великой депрессии. Главный посыл романа — обличение бесчеловечности капиталистической системы, где бедность, эксплуатация и равнодушие властей ломают жизни тысяч «невидимых» людей. Стейнбек показывает, как жадность корпораций и бездействие государства превращают трудящихся в бесправных рабов, а миграцию — в путь отчаяния.

Кровавый меридиан — Кормак Маккарти, 1985

Художественная литература / Роман в жанре вестерн

В этой работе автор исследует американскую экспансию и узаконенное насилие, применяемое вдоль границы США и Мексики в середине XIX века. В центре сюжета — банда охотников за скальпами, убивающих ради прибыли и садистского удовольствия, а их предводитель, демонический судья Холден, воплощает абсолютное зло как философскую категорию. Главный посыл романа заключается в том, чтобы показать, что насилие — не аномалия, а фундаментальная часть человеческой природы, которая лишь маскируется под цивилизацией.

 Бойня номер пять, или Крестовый поход детей — Курт Воннегут, 1969

Художественная литература / Научная фантастика / Чёрный юмор / Постмодернизм

Произведение — критика войны, в центре внимания которого находится бомбардировка Дрездена, так и не показанная читателю. Сюжет перемешивает реальные события с фантастикой, тем самым художественно подчёркивая абсурдность войны. Автор показывает, как война становится инструментом бессмысленной жестокости, санкционированной и поощряемой государством. Через сарказм и гротеск автор обличает механизм обезчеловечивания — палачи и жертвы одинаково беспомощны перед машиной насилия.

 Уловка-22 — Джозеф Хеллер, 1961

Художественная литература / Чёрный юмор / Сатира / Военная проза / Абсурдизм

Сатирический взгляд на военные и бюрократические институты, которые эксплуатируют и подвергают не имеющих голоса солдат опасности посредством нерациональных правил, которые нельзя ни соблюсти, ни нарушить. Произведение раскрывает, как власть манипулирует логикой, превращая насилие в норму, а несогласие — в предательство. Это предупреждение о том, что любая система, лишённая человечности, неизбежно становится тиранической.

 Родной сын — Ричард Райт, 1940

Художественная литература / Социальная проза в стиле реализма

Произведение описывает системный расизм и репрессивную роль правовых и социальных институтов, в контексте которых вынужден жить и выживать молодой афроамериканец. Райт показывает, как стигма и бедность формируют ловушку, из которой нет выхода. Главный герой, ставший фигурантом кейса об убийстве, — продукт общества, которое заранее считает его преступником, и его действия становятся неизбежным следствием давления и страха. Государственное насилие здесь проявляется не только в прямом угнетении, но и в структурной несправедливости, которая лишает людей выбора и достоинства.

 Возлюбленная — Тони Моррисон, 1987

Художественная литература / Роман

Роман о наследии рабства и соучастии американских институтов в поддержании расового угнетения и насилия. Моррисон раскрывает, как институт рабства калечит не только тела, но и души, оставляя шрамы на поколениях. Насилие системы — не абстракция, а повседневный ужас, где даже материнская любовь может принять форму убийства как акта «спасения». Государство, разрешающее рабство, становится соучастником этого морального надлома, а его отмена не стирает последствий — травма живёт в памяти, в доме, в самом воздухе. Это роман о том, как историческое насилие прорастает в настоящем, требуя признания и искупления.

Крутой маршрут. Хроника времён культа личности — Евгения Гинзбург, 1967

Художественная литература / Роман / Мемуары

Мемуары о времени в тюрьмах и лагерях в эпоху сталинских чисток. Гинзбург описывает шаг за шагом путь от ареста в 1937-м до освобождения в 1955-м — допросы, этапы, Колыму. Книга документирует, как система превращает человека в «номер». Арест по доносу, абсурдные обвинения, ломающие волю допросы, лагерная дегуманизация — Гинзбург показывает не просто жестокость, а ритуализованную систему уничтожения личности. Несмотря на ужасы, она пишет и о дружбе, стихах и силе, которые помогли выжить. Важна как женский взгляд на ГУЛАГ и свидетельство несокрушимости человеческого духа.

Слепящая тьма — Артур Кёстлер, 1940

Художественная литература / Роман

Роман, написанный в разгар Второй мировой войны, изображает старого большевика, арестованного и подвергнутого пыткам во имя партии, которую он сам создавал. Кёстлер, сам разочарованный коммунист, исследует тоталитарную систему, обобщает опыт московских процессов 1930-х годов, ставит читателя перед дилеммой — идеология или совесть? — и спрашивает у него, может ли цель оправдывать любые средства её достижения, даже если цена равно человеческой жизни. Иногда произведение критикуется за недостаточный историзм и «антисоветскую пропаганду».

1984 — Джордж Оруэлл, 1949

Художественная литература / Фантастика / Роман-антиутопия

Классический роман-антиутопия об обществе тотального контроля и пыток как метода удержания власти. «Большой Брат» контролирует даже мысли людей через страх, пропаганду и уничтожение приватности. Главный посыл этого произведения, так часто вспоминаемого и цитируемого в последние несколько лет, заключается в том, чтобы показать, как государственное насилие достигает апогея, когда власть вторгается в сознание, переписывает историю и заменяет правду идеологией. Оруэлл предупреждает: любая система, требующая абсолютной лояльности, неизбежно уничтожает человечность.

Рассказ служанки — Маргарет Этвуд, 1985

Художественная литература / Фантастика / Роман-антиутопия

Антиутопия о будущем США — стране, превращённой в тоталитарное теократическое государство, где женщины лишены прав, а плодовые («служанки») становятся собственностью элиты для деторождения. Главная героиня пытается выжить в этом режиме, вспоминая прежнюю свободную жизнь. Этвуд показывает, как система подавления создаётся постепенно — через ограничение прав

женщин, цензуру, религиозную демагогию и террор. Насилие здесь не только физическое (казни, изнасилования), но и психологическое: женщин заставляют верить, что их угнетение есть «благо».

Допрос под пыткой — Анри Аллег, 1958

Художественное произведение, основанное на автобиографических свидетельствах / Расследование

Автобиографическое свидетельство франко-алжирского журналиста и коммуниста, арестованного в 1957 году во время Алжирской войны за независимость, который описывает месяцы пыток в руках французских военных: избиения, электрошок, утопления, психологическое давление — методы, которые колониальные власти применяли к подозреваемым в связях с Фронтом национального освобождения. Книга разоблачает двойные стандарты государств, которые формально отрицают пытки, но систематически используют их для подавления сопротивления, и показывает, как колониализм превращает насилие в рутинную бюрократическую процедуру: палачи воспринимают пытки как «работу», а жертвы — как «материал».

Нацисты. Предостережение истории — Лоуренс Рис, 1997

Публицистика / Документалистика / Мемуары / История войн

Книга, написанная по следам съёмки документального фильма. Она не просто рассказывает о преступлениях Третьего рейха, а показывает, как обычные люди становятся соучастниками зла — через пропаганду, страх, карьеризм или просто бездумное подчинение. Рис через документы, интервью со свидетелями и архивные материалы раскрывает механизмы тоталитарной системы, демонстрируя, что Холокост и нацистские зверства стали возможны в том числе благодаря миллионам тех, кто закрывал глаза на преступления. Для интересующихся историей Холокоста будет интересно прочесть и другие работы Риса, выпущенные после «Нацистов»: «Освенцим. Нацисты и окончательное решение еврейского вопроса» и «Холокост. Новая история».

Кухня Дьявола. Преступления Отряда 731 — Сэйити Моримура, 1981

Публицистика / Документалистика / Расследование / История войн

Японский Отряд 731, действовавший под видом «медицинского подразделения», проводил в годы Второй мировой войны бесчеловечные эксперименты на живых людях, включая детей, беременных женщин и военнопленных, испытывая биологическое оружие, изучая пределы выживания при пытках и систематически уничтожая тысячи невинных. Хотя это произведение Моримуры многими считается довольно спорным — в том числе из-за критики достоверности и источников, — оно является важным свидетельством того, что на другом конце планеты тоже функционировали многим неизвестные фабрики смерти.

Французская сюита — Ирен Немировски, 2005

Художественная литература / Роман

Это произведение показывает государственное насилие не через документальную хронику, а через судьбы обычных людей, раздавленных машиной войны и коллаборационизма. Писательница сама была еврейкой, но хоть она и пыталась отмежеваться от своего происхождения, это не спасло её от гибели в Освенциме. Она описывает жизнь под оккупацией с пронзительной детализацией — страх, предательство, трусость, желание молчать и крошечные проявления человечности становятся здесь главными свидетельствами эпохи. В романе жертвы и палачи ещё не разделены чёткой гранью, а зло проявляется в будничной, почти бытовой жестокости. Публикация книги стала возможной благодаря дочери Немировски, которая нашла черновики много лет спустя после гибели своих родителей.

Кинематограф

Тайная жизнь — реж. Терренс Малик, 2019

Историческая драма, основанная на реальных событиях

Показывает историю фермера, отказавшегося воевать на стороне нацистской Германии и казнённого за это, и красочно иллюстрирует механизмы подчинения нацистской диктатуре и давления на несогласных. Фильм не про физические пытки, а про медленное, системное и разрушительное насилие государства — от общественного ostracism до бесчеловечного судебного процесса, где любое сопротивление подавляется. Главный герой становится жертвой машины нацистской юстиции, где закон — лишь инструмент для устрашения, а «правда» определяется силой, а не совестью.

Люди за солнцем — реж. Моу Дуньфэй, 1988

Исторический фильм / Фильм ужасов / Военная драма

Крайне шокирующее, жестокое и натуралистичное кино, ценность которого не в художественной составляющей, а в послы, который оно несёт. Лента в деталях показывает медицинские эксперименты японского Отряда 731 над военнопленными и описывает фигуры военных, чьими руками творились все задокументированные зверства, вместе с их праздным и местами отвратительным бытом. В фильме присутствуют сцены насилия над людьми и животными.

 Официальная версия — реж. Луис Пуэнсо, 1985

Историческая драма

Действие фильма разворачивается в один из самых страшных периодов современной аргентинской истории, когда в 1970–80-х в стране правила военная диктатура. Главная героиня — олицетворение простых граждан — узнаёт, что её приёмная дочь может быть ребёнком «исчезнувших» — жертв хунты, которых убивали, а их детей отдавали семьям, лояльным режиму. Драма описывает все механизмы государственного насилия и сопутствующие индифферентность и молчание тех, кто за ними наблюдает.

 Чекист — реж. Александр Рогожкин, 1992

Драма

Историческая драма о сотруднике советской ЧК, участвующем в массовых расстрелах во время Красного террора — его попытки оправдать эти поступки приводят к тому, что он лишается рассудка. Фильм о методах, психологии и сюрреализме государственного насилия, об идеологии, оправдывающей жестокость. Для создателей картины террор — это не просто «злые люди у власти», а система, которая калечит всех: и жертв, и палачей. Фильм снят в стилистике театра абсурда (условные декорации, неестественный свет), чтобы подчеркнуть иррациональность насилия.

 Покаяние — реж. Тенгиз Абуладзе, 1984

Драма

Аллегорическая драма о диктаторе Варламе Аравидзе и его преступлениях. Фильм, запрещённый в СССР первые годы после съёмок, метафорически показывает природу диктатуры и репрессий: «зло, пришедшее к власти, — это тупик». Абуладзе показывает, что преступления режима нельзя просто похоронить — без покаяния и уважения к исторической памяти государственное насилие повторится.

 Жизнь других — реж. Флориан Хенкель фон Доннерсмарк, 2006

Драма / Триллер

Немецкая драма о всеильной тайной полиции Штази в ГДР. Фильм показывает, как тотальный контроль разрушает жизни людей — но в то же время даёт надежду, что человек способен на сочувствие даже внутри репрессивной системы. Главный герой, следящий за представителями культурного мира, проникается их идеями и начинает им сопереживать. Картина напоминает о повседневном давлении аппарата безопасности, о ценности духовного сопротивления и о том, что у каждого из нас всегда есть возможность поступать по совести.

 Сало, или 120 дней Содома — реж. Пьер Паоло Пазолини, 1975

Драма

Скандалный, откровенный и весьма спорный фильм, который критикует авторитаризм и государственные репрессии. С помощью экстремальных образов Пазолини разоблачает фашизм и показывает, как диктатура наслаждается абсолютным контролем над телом и сознанием жертв. Фильм доводит логику государственного террора до абсурда, показывая, что в мире без морали единственный «закон» — это извращённая воля палачей. В основе сюжета — роман де Сада, в фильме присутствуют сцены сексуализированного насилия.

 Капитан Волконогов бежал — реж. Наталья Меркулова и Алексей Чупов, 2021

Драма / Триллер / Сатира

События картины разворачиваются в Ленинграде конца 30-х годов прошлого столетия и повествуют об офицере, оказавшемся перед лицом жестоких реалий правоохранительной системы и морального кризиса в период репрессий. Его бегство становится символом личного протеста против абсурдной системы, отражая конфликт между служебным долгом и собственными человеческими ценностями. Чтобы добиться нравственного освобождения, капитан должен попросить прощения у тех, кого он бессудно пытал, — но это оказывается не так-то просто.

 Эквилибриум — реж. Курт Уиммер, 2002

Антиутопия / Драма / Постапокалипсис

Фильм показывает мрачное будущее, где правительство подавляет эмоции людей с помощью специального препарата, стремясь создать общество, лишённое страстей. Главный герой, работая на систему, вскоре начинает сомневаться в её правильности и предпринимает рискованный шаг к обретению свободы и настоящей человечности — переходит на сторону тех, с кем он боролся, чтобы победить диктатуру.

 Пролетая над гнездом кукушки — реж. Милош Форман, 1975

Психоделическая драма / Комедия

Картина погружает зрителя в реальность психиатрической клиники. Главный герой попадает туда на экспертизу, сталкивается с авторитарными порядками, наведёнными внутри, и пытается с ними бороться — но система в итоге оказывается сильнее. Фильм показывает пытки и негуманные методы лечения пациентов, не все из которых действительно больны. Любой протест лишь укрепляет систему, сложившуюся в клинике, а трагическая судьба главного героя в итоге предстаёт метафорой на подавление инакомыслия.

 Заводной апельсин — реж. Стэнли Кубрик, 1971

Драма / Триллер / Комедия / Чёрный юмор / Фантастика / Антиутопия

Этот фильм — зеркало общества, где насилие рождает насилие, «спасение» часто хуже болезни, а люди кровожаднее преступников. После его просмотра у зрителя возникает вопрос, а не становится ли авторитарное государство тем же насильником, кого оно наказывает? Картина показывает насильственные коррекционные практики и концентрируется на цикличности жестокости. Интересна она и обилием контрастных художественных приёмов.

 Таксист — реж. Мартин Скорсезе, 1976

Драма / Неонуар

Главный герой картины — ветеран Вьетнамской войны, брошенный государством, страдающий от одиночества и пытающийся найти себя в мирной жизни. Он оторван от окружающего мира, но может наблюдать за ним как бы со стороны. Однажды он решает вычистить город от «нечисти» и решается на убийства тех, кто, как ему кажется, портит его. По сути, герой берёт в свои руки функции государства, которое сквозь пальцы смотрит на криминальные и социальные проблемы, — но даже в этом не находит отдушины.

 Пианист — реж. Роман Полански, 2002

Историческая драма / Биография

Один из самых пронзительных и известных фильмов о Холокосте, демонстрирующий хронику государственного террора на примере одной судьбы: польский пианист выживает в руинах Варшавы, наблюдая, как нацисты превращают убийства в рутину. Спасаящий его немецкий офицер — лишь исключение, подчёркивающее правило: машина геноцида не оставляет места человечности. Фильм обнажает страшный парадокс — искусство становится последним актом сопротивления в мире, где государство легализовало смерть.

 Список Шиндлера — реж. Стивен Спилберг, 1993

Историческая драма

История фабриканта, использующего труд евреев во время Второй мировой и тем самым спасающего их от гибели. Картина поднимает множество этических и глубоких морально-философских вопросов, в первую очередь о природе зла, о смелости, противостоянии и о том, как делать свой личный выбор, находясь в тоталитарном аду и балансируя между выгодой, человечностью и совестью.

Такси на тёмную сторону — реж. Алекс Гибни, 2007

Документальное кино

Фильм, дающий полное представление о позициях сторонников и противников применения пыток. В центре внимания — политика современных США в части применения пыток, рассказанная через частную историю афганца, забитого насмерть американскими солдатами. Фильм обвиняет власти США в отказе от правовых норм, создании системы безнаказанности и деградации морали в условиях «борьбы с терроризмом».

Акт убийства — реж. Джошуа Оппенхаймер и другие

Документальное кино / Историческая драма

Фильм, демонстрирующий, к чему приводит историческое забвение, безнаказанность и попытки умолчать о прошлом. Картина посвящена массовым убийствам в Индонезии 1965–1966 годов, жертвами которых стали около миллиона человек, и тому, как сложилась судьба палачей и злодеев, многие из которых не просто не мучились угрызениями совести, но и до наших дней оставались влиятельными фигурами в стране.

Зона интересов — реж. Джонатан Глейзер, 2023

Драма

Ещё одна картина о Холокосте, но на этот раз показывающая жизнь и быт обычной семьи, которая ничем не отличалась бы от других, если бы не дым крематория за забором. Комендант Освенцима Хёсс и его семья наслаждаются жизнью, пока за стеной ежедневно умирают сотни людей. То, что для одних — трагедия, для других — рутинная необходимость. Два параллельных мира, соединяющихся на одной территории.

Общество мёртвых поэтов — реж. Питер Уир, 1989

Трагикомедия

Картина о репрессивной системе образования, где жёсткие традиции заменяют критическое мышление. Хотя фильм не показывает прямое государственное насилие, он раскрывает механизмы подавления личности такими тоталитарными институциями, как школа. Самоубийство одного из учеников как символ уничтожения мечты о будущем; устранение учителя как сигнал осуждения любого вольнодумства; бунт как заведомо проигрышная стратегия — всё это заставляет зрителя задуматься, чем опасно подавление творческого начала.

 Немыслимое — реж. Грег Джордан, 2009

Драма / Триллер

Фильм иллюстрирует классическую моральную дилемму и ставит вопрос о пределах допустимого в работе силовых структур. В центре сюжета — подозреваемый в терроризме и агенты спецслужб, которые пытаются выяснить у него местонахождение взрывных устройств массового поражения. По мере того, как таймер адских машин ведёт обратный отсчёт, растёт напряжение и вместе с ним — цена информации. И каждый решает для себя вопрос о готовности совершить немыслимое ради благой цели.

 Мелочи жизни — реж. Тим Милантс, 2024

Драма

Картина о нелёгком личном выборе между деятельным состраданием и молчаливым согласием с несправедливостью. Такой выбор становится во сто крат сложнее, когда согласие поддерживается общественным мнением и поступить по совести означает подвергнуться осуждению, если не остракизму. Вторым планом фильм затрагивает тему ирландских «приютов Магдалины» — закрытых воспитательно-исправительных учреждений для «падших женщин».

Музыка и театр

 Статья, которой нет

Влади, 2022

«Я написал трек от лица сотрудников изолятора и колонии, доверительно рассказывающих, как они пытали человека. И от лица пресс-секретаря ведомства. В уголовном кодексе РФ нет статьи за пытки, и до последнего времени их факт отрицался. Часть населения считает, что пытки — это нормально», — рассказывал журналистам исполнитель песни. Этой композицией музыкант и правозащитники подсвечивают проблему невидимости пыток для государства и права.

 Nous sommes ce que nous sommes (Мы такие, какие мы есть)

Песня из мюзикла «Dracula. Entre l'amour et la mort» («Дракула, между любовью и смертью»), 2006

В тексте этой композиции собраны перечисления самых страшных варварств, убийств и пыток за всю историю существования человечества. Песня по сюжету, в основе которого лежит свободная интерпретация романа Брэма Стокера, поётся из будущего, её исполняют сумасшедший Ренфилд, романтик Джонатан и живущий сотни лет старина Дракула, который через призму своей

многовековой мудрости будто упрекает современников в том, что людские страдания всё никак не прекратятся и говорит о том, что худшее впереди. Сценическую запись исполнения с русскими субтитрами, начинающуюся со слов «Вы видите так много, но так мало понимаете», можно найти на видеохостингах (как и весь мюзикл).

Sunday Bloody Sunday (Воскресенье, Кровавое воскресенье)

U2, 1983

Песня — антивоенный манифест, стала символом протеста против насилия и конфликтов в Северной Ирландии. Её название отсылает к двум трагическим событиям: Кровавому воскресенью 1920 года, когда британские силы открыли огонь по зрителям на футбольном матче в Дублине во время Войны за независимость Ирландии, и Кровавому воскресенью 1972 года — расстрелу мирных демонстрантов британскими солдатами в Дерри. Текст выражает отвращение к насилию и многими воспринимается как гимн пацифизму.

Give Peace a Chance (Дайте миру шанс)

Джон Леннон, 1969

Гимн против санкционированного государством насилия, особенно в контексте войны во Вьетнаме и протестов против насильственных действий правительства США за рубежом. Песня отвергает идеологические споры и призывает к базовой человеческой ценности — миру, выраженной в ёмком повторяющемся припеве: «Всё, что мы говорим — дайте миру шанс».

Zombie (Зомби)

The Cranberries, 1994

Манифест против насилия в Северной Ирландии и терроризма, написанный под впечатлением от теракта, в котором погибли двое детей. Песня обличает бессмысленную жестокость «вечной войны», где все стороны конфликта, будь то государство или «борцы за независимость», теряют человечность. Клип с кадрами вооружённых детей на фоне британских военных и протестов усилил посыл.

Fortunate Son (Баловень судьбы)

Creedence Clearwater Revival, 1969

Песня против войны во Вьетнаме, в которой рассказывается о том, как государство заставляет молодых людей участвовать в жестоком и насильственном конфликте, в то время как привилегированные слои населения избегают призыва на военную службу. Композиция осуждает не только стремление государств развязывать насилие, но и его попытки закрыть глаза на сегрегацию, которую порождает такой лицемерный контекст, поощряя неравенство.

 Holiday in Cambodia (Каникулы в Камбодже)

Dead Kennedys, 1980

Саркастическая композиция, разоблачающая лицемерие западного общества и высмеивающая самодовольных псевдоинтеллектуалов, которые романтизируют режим Пол Пота в Камбодже, не понимая ужасов реального геноцида. Жёсткие строки, наполненные политическим смыслом и социальной сатирой, контрастируют с ироничным припевом о «каникулах» в стране убийственных трудовых лагерей. Трек предупреждает об опасности идеологических иллюзий и слепого следования радикальным доктринам.

 Fight the Power (Борись с властью)

Public Enemy, 1989

Песня критикует узаконенное угнетение, расизм и жестокость по отношению к уязвимым группам населения — при этом содержит несколько мощных отсылок к афроамериканской культуре. Также композиция затрагивает проблему полицейского насилия и экономической эксплуатации слабых. Песня — больше, чем констатация проблемы неравенства, это призыв бороться с системой и не закрывать глаза на несправедливость. Трек входит в «500 величайших песен всех времён» по версии журнала Rolling Stone.

 American Idiot (Американский идиот)

Green Day, 2004

Песня открывает одноимённый альбом, протагонист которого пытается выжить в обществе, полном несправедливости и страдающем коллективными травмами прошлого. Он внутренне протестует — а пластинка представляет собой не сборник отдельных песен, а полноценный сюжет. Сама же песня высмеивает приёмы, которыми ТВ идеализирует окружающую реальность, и критикует пропаганду вместе с людьми, которые склонны на неё бездумно вестись.

 Police and Thieves (Полиция и воры)

Джуниор Марвин, 1976

Не просто сингл, а целая история. Песня написана как манифест против полицейского бездействия и произвола, в основе методов которого лежат те же орудия и приёмы, что и у бандитов. Она прозвучала на лондонском карнавале 1976 года, который в итоге закончился столкновениями с полицией — в итоге тогда трек был запрещён, но сейчас остаётся визитной карточкой этого мероприятия. Одна из самых известных кавер-версий этой композиции была исполнена группой The Clash.

Street Fighting Man (Уличный боец)

The Rolling Stone, 1968

Это рок-композиция была вдохновлена целым рядом протестных событий — антивоенных протестов в Лондоне, закончившихся полицейскими разгонами, и майских событий в Париже 1968 года, когда студенты вышли на улицы выразить своё недовольство. С одной стороны, трек о безысходности («Что ещё остаётся бедному парню кроме рок-н-ролла? Ведь в Лондоне нет места для уличного бойца»), с другой — он всем своим посылом подталкивает к действию.

Biko (Дайте миру шанс)

Питер Габриэл, 1980

Песня посвящена южноафриканскому чернокожему активисту и борцу против апартеида Стиву Бико, который умер после незаконного задержания и длительных полицейских пыток. Соединяет в себе сразу несколько языков и ритмов, композиций и сюжетов, в центре которых — идея о неприемлемости насилия и государственного произвола. Какое-то время трек был запрещён в ЮАР, так как власти сочли её вредной и антигосударственной. Считается, что она внесла большой культурный вклад в осознание проблемы апартеида.

L.A.P.D. (Полицейский департамент Лос-Анджелеса)

The Offspring, 1992

Песня критикует жестокость лос-анджелесских полицейских, ставшую притчей во языцех в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Весной 1992 года, после того как присяжные оправдали офицеров полиции, обвиняемых в избиении чернокожего Родни Кинга, Лос-Анджелес потрясли массовые протесты и вооружённые столкновения с полицией.

 1789, Les amants de la Bastille (1789: Любовники Бастилии)

Рок-мюзикл, 2011

Музыкальный спектакль, рассказывающий сразу две параллельные истории: борьбу французской интеллигенции в лице Дантона, Робеспьера и Демулена за революцию, на фоне которой описывается жизнь простого француза, вынужденного выживать в несправедливом обществе и в том числе противостоять силовому произволу. Главным треком мюзикла считается композиция «Ça ira mon amour», в которой Демулен воспекает свободу и счастливое будущее. Заканчивается мюзикл падением Бастилии и принятием первой в мире декларации прав человека. Запись спектакля с русскими субтитрами можно найти на видеохостингах.

 Час 18

Драматическая пьеса, Театр.doc

Документальная постановка Елены Греминой о смерти юриста Сергея Магнитского в московском СИЗО — название спектакля отсылает к тому, что Магнитский перед гибелью провёл один час 18 минут без медицинской помощи. Пьеса наглядно вскрывающая бюрократическое соучастие в убийстве, стала голосом протеста и мемориалом Магнитскому на театральной сцене.

 Дело №107365

Документальный спектакль в рамках проект «Слово новомучеников», Театр.doc

Постановка ставит своей целью поддержание исторической памяти о людях, пострадавших за свою веру в прошлом столетии. В основе разговора лежат дневники и письма членов общины — свидетелей эпохи. Создатели спектакля ставят хотят найти новые способы разговора о трудном прошлом, о гонениях на веру и о судьбах тех, кто из-за них пострадал.

 Симфония №11 «1905 год»

Дмитрий Шостакович, 1957

Вдохновлена памятью о первой русской революции, особенно о событиях Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, когда царские войска расстреляли мирную демонстрацию в Петербурге. Важна как музыкальное свидетельство исторической травмы. Некоторые исследователи видят в этой работе отсылки к венгерскому восстанию 1956 года и сталинским репрессиям.

 Симфония №13 «Бабий Яр»

Дмитрий Шостакович, 1962

Симфония-вызов, в которой прямо говорится о Холокосте, о сталинском антисемитизме и попытках замолчать массовые убийства евреев. Важна как пример смелости композитора, говорящего

правду языком музыки, пробуждая у слушателя сострадание и гражданское чувство. В основе симфонии лежат несколько произведений Евгения Евтушенко, одна из которых «Бабий Яр» — поэма, принёсшая поэту всемирную известность. До середины 60-х годов симфония была запрещена в СССР.

Búsqueda (Поиск)

Джеймс Макмиллан, 2018

Музыкальная постановка, вдохновлённая Матерями площади Мая — аргентинским общественным движением женщин, чьи дети (т. н. исчезнувшие) пропали во времена военной диктатуры. В основе произведения лежат стихи матерей, продолжающих искать своих детей, — символ надежды и незаживающей раны. Сочетает в себе латиноамериканский мистицизм, библейские аллюзии и актуальную политическую метафору.

Polskie Requiem (Польский реквием)

Кшиштоф Пендерецкий, окончен в 2005-м

Реквием, объединяющий в себе отсылки сразу к нескольким историческим событиям — от расстрела гданьских докеров, боровшихся против диктатуры, до событий Второй мировой войны. В частности, реквием включает в себя мелодии, посвящённые погибшим в Освенциме. Это произведение — музыкальное отражение польской исторической памяти в соединении с глубоким уважением к жертвам истории.

Арт-объекты и места памяти

Москва. Места памяти

Проект «Мемориала», в рамках которого проходят экскурсии по Москве

В рамках проекта «Москва. Места памяти», реализуемого с 2013 года, в настоящее время проводятся пешие экскурсии по российской столице под общим названием «Топография террора» — например, «Топография террора. Лубянка и окрестности», «Топография террора. Замоскворечье». Эти мероприятия дают возможность лично прочувствовать места, где когда-то от имени государства творились бесчинства.

Последний адрес

Международный мемориальный проект

Гражданская инициатива по размещению персональных мемориальных знаков на фасадах домов, ставших последними прижизненными адресами жертв репрессий. Проект стартовал в 2014 году в Москве, со временем расширив свою географию и став международным. Сочетает в себе функции распространения арт-объектов, продвижения исторической памяти и городской экскурсии.

Сахаровский центр

Многофункциональная общественная и просветительская площадка в г. Москве

Миссия Сахаровского центра — сохранение и развитие наследия А. Д. Сахарова, формирование исторической памяти о советском тоталитаризме и сопротивлении несвободе, продвижение ценностей свободы, демократии и прав человека, поддержка активной, качественной и свободной дискуссии об актуальных вопросах истории, прав человека и в целом гуманитарных проблем, содействие развитию гражданского общества.

Медное

Мемориал в Тверской области

Мемориал жертвам политических репрессий и расстрелянным польским военнопленным близ посёлка Медное в Тверской области. Один из немногих действующих мемориальных объектов России, рассказывающий о жертвах политических репрессий 30-х — 50-х гг. и особенно о расстрелянных польских военнопленных. От случая к случаю проводятся памятные мероприятия и экскурсии.

Пермь-36

Мемориальный центр истории политических репрессий в Пермском крае

Единственный сохранившийся на месте исправительно-трудовой лагерь в России, превращённый в музей. Важен, потому что позволяет физически соприкоснуться с историей террора и задуматься, как свобода ценна и хрупка.

Соловецкий монастырь

Музей в Архангельской области

Бывший монастырь, превращённый в 1920-е в один из первых советских концлагерей (Соловецкий лагерь особого назначения). Сейчас на Соловках — музей-заповедник, где рассказывают и о монастырской истории, и о лагерной главе. Это место важно как двойной символ: духовного

наследия и трагедии, когда место веры стало местом страдания. Соловки учат, что даже самые святые места могут быть осквернены насилием.

Бутовский полигон

Мемориальный центр в Московской области

Бывший секретный расстрельный полигон НКВД, где в 1937–38 годах были казнены более 20 тысяч человек. Каждый год 30 октября здесь проходит церемония памяти — «Возвращение имён». Важно посетить, чтобы лично осознать масштаб Большого террора: тысячи фамилий, часто целые семьи, уничтоженные без суда. Бутово служит напоминанием, что жертвами становились самые обычные люди.

Еврейский музей

Музей, мемориал, образовательный проект в г. Москве

Часть постоянной экспозиции музея посвящена трагическим событиям Второй мировой войны и Холокосту. Здесь же находится мемориал в память жертв Холокоста. На территории музея действует Центр толерантности — образовательный проект и одновременно площадка для проведения тренингов, научно-популярных дискуссий и других мероприятий на тему гуманистических ценностей.

Стена скорби

Монумент в г. Москве

Национальный мемориал жертв политических репрессий, место всенародного скорбного поминовения: приходя сюда, люди отдают дань памяти родственникам и всем безвинно погибшим от государственного террора.

Зауральная роща

Мемориал памяти жертв политических репрессий в г. Оренбурге

Территория в пойменной части левого берега реки Урал в южной (заречной) части города с конца 1920-х использовалась как место захоронения расстрелянных и умерших в тюрьмах жителей Оренбурга и Оренбургской области. Впоследствии здесь находился спецобъект («база отдыха») НКВД-МГБ, он занимал территорию около 2 га и был обнесён высоким забором. По данным УФСБ по Оренбургской области, в 1930-е — 1950-е здесь было захоронено более 8400 человек, казнённых в Оренбурге. Захоронения производились в ямах и рвах. В 1940-е — 1950-е во время половодья Урал периодически размывал берег, обнажая останки. Пробитая пулями раскрытая книга и сломанная решётка символизируют насильственно оборванную жизнь и одоление произвола.

 Маска скорби

Эрнст Неизвестный, скульптура в г. Магадане

Пятнадцатиметровый монумент в виде скорбящего лица, посвящённый погибшим узникам Колымы. Этот памятник — художественное осмысление ГУЛАГа: скульптура говорит без слов о том, что миллионы замученных навсегда остались «маской» на лице России, с которой ей предстоит жить.

 Господи! Помоги мне выжить среди этой смертной любви!

Граффити Дмитрия Врубеля в г. Берлине

На граффити изображён поцелуй генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева и руководителя ГДР Эриха Хонеккера. Название отсылает к жертвам, пытавшимся преодолеть Берлинскую стену в годы разделения Германии. Символизирует репрессивный характер государственного контроля во время Холодной войны.

 Герника

Полотно Пабло Пикассо, хранящееся в Музее королевы Софии (г. Мадрид)

Огромное чёрно-белое полотно, ставшее символом страданий мирных людей от войны. Написана в ответ на бомбёжку города Герника во время Гражданской войны в Испании. Мощнейший антивоенный крик в истории искусства, напоминающий о судьбах жертв без разбора.

Приложение 2

Технический алгоритм того, как мы анализировали тексты на количественном этапе исследования

На этапе предобработки текстов судебных решений и материалов СМИ мы проделали следующие операции:

- 1) для унификации написания привели регистр всех текстов к нижнему;
- 2) частично удалили из текстов пунктуацию (оставили лишь знаки препинания, обозначающие конец предложений);
- 3) удалили арабские цифры;
- 4) лемматизировали тексты;
- 5) удалили стоп-слова (русские и английские слова, усложняющие анализ и не дающие веса при оценке содержания написанного, например, названия документов, служебные слова и т. д.); для анализа материалов средств массовой информации мы при помощи стоп-слов отсекали тексты, связанные с пытками в бытовом или военном контексте;
- 6) удалили типичные для судебной системы стоп-слова (часто встречающиеся в текстах слова и формализмы, кочующие из решения в решение; частично список таких слов позаимствован у «Алгоритма света»);
- 7) удалили двойные пробелы.

1. Анализ частотности

После первичной предобработки текста мы проанализировали частотность использования определённых терминов. Для того чтобы найти важные термины, применялась TF-IDF векторизация. В отличие от простого подсчёта слов такая векторизация:

- считает, как часто термин появляется относительно общего количества терминов в документе (TF — term frequency). Например, если слово «военный» появляется в документе три раза на каждые 100 слов, значит $TF = 0,03$;
- оценивает, насколько редок определённый термин во всём корпусе анализируемых текстов (логарифм от отношения общего количества документов к количеству документов, содержащих термин +1, IDF — inverse document frequency). Допустим, слово «военный» встречается в десяти текстах из 1000. Тогда $IDF = \ln(1000/10+1) \sim 4,5$. Чем реже встречается слово, тем выше IDF и ниже TF.

Далее мы умножаем эти две метрики и получаем показатель TF-IDF. Чем выше оценка, тем более часто термин встречается в конкретном документе, но при этом не распространён во всём корпусе текстов. По этой оценке мы и сравнивали упоминания слов в каждом корпусе в целом, а также проводили анализ словоупотреблений внутри каждого календарного года.

Такой подход решает сразу две задачи: (1) мы опускаем в рейтинге распространённые слова (союзы, предлоги, типичные канцеляриты и т. д.) и (2) подсвечиваем важные слова, которые встречаются не так часто, но имеют значение для анализа. Также TF-IDF векторизация позволяет анализировать контекст и оценивать тематику корпуса, не читая каждый текст по отдельности.

Кроме того, мы проводили векторизацию итеративно, каждый раз находя бессмысленные термины (например: мм, дд, ук, рф), которые пополняли наш список стоп-слов.

Далее мы провели анализ текстов на предмет последовательного неразрывного сочетания тех или иных слов. Попросту говоря, мы проверили решения через модель векторизованных n -грамм, где n — число последовательно соединяющихся слов. Проблема анализа обособленных слов и вычисления их частотности заключается в том, что отдельному термину может не доставать контекста, поэтому его интерпретация может быть двоякой. N -граммы такой проблемы не имеют. Например, слово «военный» может трактоваться как существительное или прилагательное, но если мы анализируем биграммы (сочетания двух слов, от лат. би — «двойной»), то мы увидим, что термин «военный» часто находится рядом с термином служба.

Пример алгоритма поиска n -грамм

- Мы имеем исходное предложение: «Военный ударил рукой по лицу»;
- приведённое к одному регистру и лемматизированное предложение (с приведением слов к словарной форме) после удаления служебных слов будет выглядеть так: «военный ударить рука лицо»;
- список получившихся униграмм (отдельных слов): военный, ударить, рука, лицо;
- биграммы (пары): военный ударить, ударить рука, рука лицо;
- триграммы (последовательности трёх слов): военный ударить рука, ударить рука лицо.

Таким образом предложение можно привести до анализируемых последовательностей практически до бесконечности, если это позволяют анализируемые тексты.

2. Сентимент-анализ

Метод сентимент-анализа предназначен для определения эмоциональной окраски текстов с использованием модели машинного обучения. Он включает разбиение длинных текстов на части, обработку их по модели сентимент-анализа и объединение результатов для получения итогового сентимента с учётом веса уверенности модели. Использование этого подхода позволяет понять, в каком свете предстаёт в тексте описываемое событие — в позитивном, негативном или нейтральном. Ниже приводится описание всех шагов по работе с этой моделью.

Ниже приводится описание всех шагов по работе с этой моделью

- 1) **Загрузка и настройка модели:** используется **предобученная модель** сентимент-анализа «blanchefort/rubert-base-cased-sentiment», разработанная для русского языка.
- 2) **Обработка текстов.** Сначала каждый текст разбивается на фрагменты (chunks) длиной не более 500 токенов с помощью токенизатора. Токен — это минимальная единица текста, с которой работает модель. Обычно это отдельное слово/символ. Ограничение по подгружаемым токенам необходимо для корректной работы модели, которая имеет ограничение на длину текста. Далее для каждого фрагмента текст декодируется обратно из токенов в строку.
- 3) **Анализ сентимента.** Модель анализирует сентимент каждого фрагмента, возвращая метку (POSITIVE, NEGATIVE, NEUTRAL) и confidence score (CS). CS — это метрика модели, число, которое показывает, насколько модель уверена в своём предсказании. Оно измеряется от 0 до 1, где 0 — модель совсем не уверена, 1 — модель полностью уверена. В этом измерении 1 означает 100-процентную уверенность модели в своём предсказании.

Например, у нас есть текст: «Этот фильм просто потрясающий!»

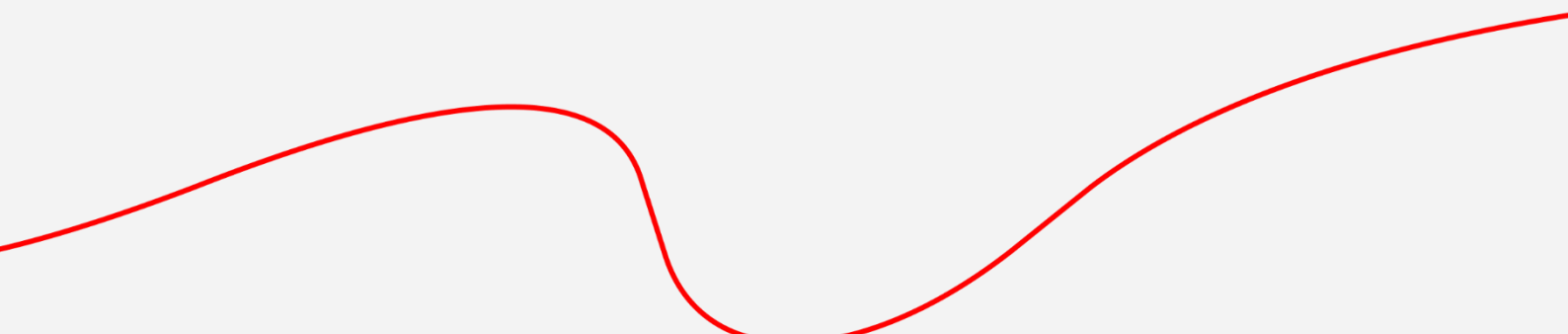
Модель говорит: «Это позитивный текст, и я уверена в этом на 97%».

Эти 97% — это и есть confidence score, который будет равняться показателю 0,97 из 1. Чем ближе к 100%, тем больше можно доверять результату. Если результаты ниже 50%, то модель сомневается, а результат стоит перепроверить вручную.

CS определяется моделью автоматически на основании анализа текстов, которые она видела ранее. По каждому из вариантов (позитивный, нейтральный или отрицательный) модель выносит свой CS и выдаёт тот ответ их трёх, по которому он выше.

Итоговый сентимент текста определяется взвешенным средним значением сентимента всех фрагментов, разделённых на токены:

- для расчёта учитывается уверенность модели в каждом фрагменте (чем выше уверенность, тем больший вес имеет предсказание);
 - результат взвешивания отображается в виде одного из трёх классов: POSITIVE, NEGATIVE или NEUTRAL, с указанием итогового уровня уверенности.
- 4) **Обработка и сохранение данных по пакетам.** Для оптимизации работы тексты обрабатываются частями (batch_size=512). В каждом батче тексты проходят анализ сентимента, результаты включают (1) оригинальный текст, (2) год написания текста и (3) итоговый сентимент с уровнем уверенности в предсказании. Итоги обработки сохраняются в формате CSV по пакетам.

Об исследовании

Дата-аналитическая часть исследования приговоров была окончена ноябре 2025 года, текстов СМИ — в марте 2025 года; полевая часть исследования проходила в январе — апреле 2025 года. Текст актуален по состоянию на 1 июня 2025 года.

Парсер, с помощью которых мы получили доступ к корпусу текстов судебных решений, разработан командой проекта «**Если быть точным**» — ссылка на его скачивание и инструкции по установке находится [здесь](#).

Гайд по возможностям и работе с парсером можно посмотреть [по ссылке](#).

Для цитирования:

Язык пыток. Как в России (не) говорят о силовом произволе и государственном насилии. — Нижний Новгород : Команда против пыток, 2025. — 90 с.

Онлайн-версия доклада [находится здесь](#).

© Команда против пыток, 2025

Распространяется по лицензии [Creative Commons «Attribution» CC BY-NC-SA 4.0](#)

